

К. В. Мочульский

•
Великие
русские
писатели
XIX века

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЪЯНС

УДК 82.091

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

М 869

Мочульский К. В.

М 869 Великие русские писатели XIX века / предисл.
Л. Магаротто. – СПб.: Алетейя, 2020. – 152 с.

ISBN 978-5-89329-189-6

Константин Васильевич Мочульский (1892–1947) – замечательный русский мыслитель и писатель, незаслуженно забытый широким читателем. Выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, разносторонне образованный человек, в 1919 г. он эмигрировал и до конца своих дней жил и работал на чужбине: сначала в Софийском университете, а с 1922 г. – на русском отделении Парижского университета. Навсегда неразрывно связанный духовными корнями со своей Родиной, глубоко верующий человек, К. В. Мочульский в книге «Великие русские писатели XIX века» рассматривает произведения пяти авторов (Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского и Толстого) в связи со своими христианскими воззрениями. Основной вывод автора: «Русская литература идет по следам Христа». Всесторонний анализ произведений, оригинальный подход к самому процессу творчества, пристальное внимание именно к личности писателя, к его душе преимущественно – все это выгодно отличает работы К. В. Мочульского на фоне других исследований подобного рода.

Написанная простым и ясным языком, книга будет интересна всем читателям.

ISBN 978-5-89329-189-6

9 785893 291896

УДК 82.091

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

© Л. Магаротто, предисловие, 2000

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Долгой и разной может быть память о родине на чужбине. Когда в 1492 году евреи были изгнаны из Испании королем Фердинандом V Католиком и его супругой Изабеллой II, большинство из них навсегда осело в Салониках. Но, как гласит история¹, они долгое время сохраняли и передавали из поколения в поколение ключи от своих родных домов, конфискованных в Испании, не теряя надежды когда-нибудь туда вернуться. Для тех русских, которые покинули Россию после революции 1917 года, таким ключом, бережно хранимым, стала русская литература. Любовь к литературе оставленной родины была для них защитой и сохранением своего национального характера. Быть русским в эмигрантской среде означало почитать и знать литературу и культуру своей родной земли.

Книга К. В. Мочульского «Великие русские писатели XIX века» проникнута этой национальной чертой. Точнее даже, она придумана и написана, По признанию самих издателей, с целью воспитать русскую молодежь, рожденную в эмиграции, на которой лежала миссия – сохранить память о великой русской культуре, чтобы она была причастна к ней. Конечно, эту обязанность могла выполнить только русская молодежь. Но чтобы войти в ее состав, недостаточно было родиться русским,

¹ См.: A. Molho. Tra Oriente e Occidente. Storia. 1990, № 37.

необходимо было знать и любить культуру (и литературу как ее часть) своей далекой родины.

Константин Васильевич Мочульский родился в 1892 году в Одессе. В 1910 году он окончил романогерманское отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. С 1917 года – приват-доцент на кафедре романской филологии. Научную деятельность начал с филологических докладов в различных кружках и обществах, напечатал в ряде журналов небольшие статьи и рецензии. В 1919 году он эмигрировал и до конца своих дней жил и работал на чужбине. Вначале он читал лекции в Софийском университете, а с 1922 года – на русском отделении Парижского университета. Поселившись во Франции, принимал активное участие в интеллектуальной жизни русских эмигрантов и часто печатал свои статьи в русских литературных журналах. Во время оккупации Парижа К. Мочульского преследовало гестапо как одного из руководителей христианско-демократического объединения «Православное дело», созданного в 1935 году.

Мочульский получил известность после публикации своей книги «Духовный путь Гоголя» (Париж, 1934), за которой последовали другие фундаментальные работы о русских писателях, изданные в Париже: «Владимир Соловьев. Жизнь и учение» (1936), «Достоевский. Жизнь и творчество» (1947) и уже после смерти автора в 1948 году вышла незавершенная трилогия о русских символистах: «Александр Блок» (1948), «Андрей Белый» (1955) и «Валерий Брюсов» (1962). Он принимал участие в создании книги М. А. Гофмана «История русской литературы» на французском языке (1934), для которой написал главы о Сумарокове, Фонвизине, Грибоедове, Гоголе, Островском и Чехове.

Книга К. В. Мочульского «Великие русские писатели XIX века» (Париж, 1939) занимает особое место в его наследии. Как и все вышеупомянутые работы, она демонстрирует огромную эрудицию автора, тонкость и глубину его наблюдений. Но именно в ней наиболее полно выразился духовный мир автора, раскрылось его нарастающее влечение к проблемам христианского религиозного мировоззрения. Начало этому процессу было доложено в 1920-х годах, когда в сознании Мочульского произошел глубокий духовный кризис, который изменил его взгляды на жизнь. Он оставил позу эстета, отличавшую его в довоенном Петербурге, перестал появляться на шумных вечерах «русского Парижа» и стал ходить – как вспоминает знавший его писатель Б. Зайцев – «в церковь на улице Лурмель, где он читал в стихаре Часы и Шестопсалмие»¹. Он сблизился с отцом С. Булгаковым, которому посвятил «с сыновней любовью» свою книгу о Соловьеве, сотрудничал с матерью Марией в уже упомянутом объединении «Православное дело», посещал собрания Религиозно-философской академии, основанной Н. А. Бердяевым, где прочитал цикл лекций о западном христианском мистицизме. В своих воспоминаниях Б. Зайцев добавляет: «если (он) не монах, то на пути к тому»².

Присутствие глубокого христианского мировоззрения все более ощущается в его исследованиях, а в книге «Великие русские писатели XIX века» оно становится основой подхода. Мочульский рассматривает произведения пяти авторов (Пушкин, Лермонтов, Гоголь,

¹ Б. Зайцев. Дух голубиный. К. Мочульский. Андрей Белый. Париж, 1955. С. 7.

² Б. Зайцев. Дух голубиный... С. 7.

Достоевский и Толстой) в связи со своими христианскими воззрениями. Не скрывая тенденциозности исследования, он ясно заявляет свои намерения в предисловии: «Русская литература идет по следам Христа». Таким образом, он открыто объявляет читателю цель своего исследования – поиск христианской религиозности у авторов, к которым он обратился.

С приведенными в книге суждениями и выводами по этой проблеме, несомненно, можно согласиться не всегда¹. Так, можно лишь частично разделить его вывод о том, что Гоголь «поставил вопрос религиозного (а может быть, точнее, мистического. – К. М.) оправдания культуры» или что мировоззрение Достоевского можно назвать «мистическим народничеством». Трудно принять утверждение, что «всегда сердце Пушкина было открыто Богу» – Действительно, по словам Ю. М. Лотмана, «вопрос отношения к христианству встал перед Пушкиным последних лет как все более и более серьезная проблема»², но поэт воспринимал христианство более лично, не с мистической, а с морально-гуманистической стороны. С этой более общей позиции Пушкин видел в нем этап исторического движения,

¹ Очеркист П. М. Пильский в своей рецензии на книгу Мочульского, опубликованной в рижской газете «Сегодня» (1939. № 231) под названием «Душа русской литературы», утверждает, что ради этого заключения («русская литература идет по стопам Христа. – К. М.) автор не стремится к одностороннему освещению трудов Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского и Толстого». На самом деле позиция Мочульского противоположна изложенной Нильским.

² Ю. М. Лотман. К проблеме «Пушкин и христианство». Русская духовная культура / Под ред. К. Магаротто и А – Рицци. Тренто, 1992. С. 176.

т. е. восприятие христианства было у него глубоко исторично¹.

В отношении религиозности Л. Н. Толстого в книге Мочульского высказана оценка, в известной мере противоположная общепринятой. Христианство Толстого явно и общеизвестно. В своих произведениях, очерках, дневниках Толстой много писал о нем, оно легло в основу мировоззрения и жизненного поведения писателя. Но Мочульский не признает этого и утверждает, что Толстой не верил в человека, отвергал «несуществующую свободу и свой чисто буддийский фатализм прикрывал туманным понятием Провидения». На наш взгляд, Толстой обращается к христианству как к морально – этическому гуманистическому учению, и в этом отношении он близок Пушкину. Но на этой основе Толстой создает свои оригинальные идеи, которые развивает во многих своих произведениях. Мочульский называет их «парадоксальными». В итоге при бесспорной эрудиции, тонкой и глубокой пронизательности оценок произведения, творческого пути писателей у Мочульского оказывается сильное влияние православия, которое у него часто выступает орудием литературной критики. Но у русских читателей имеется достаточный опыт чтения идеологизированного литературоведения, чтобы относиться к нему с опаской и отделять «идеологию» от эстетических и философских оценок.

Помимо идей православия в литературно-критической и эстетической позиции Мочульского значительное место занимает понятие «народ», «народность». По утверждению автора, связь с народом и традицией – основное условие творчества для каждого писателя.

¹Там же. С. 177.

Как известно, Пушкин говорил, что он учился русскому языку не по произведениям словесности, как все писатели до него, а у московских просвирен и в основу своей прозы положил «простую разговорную речь, живой московский говор». Именно «приближение к народному творчеству и русской величавой старине сделало его национальным поэтом».

В работе Мочульского постоянно присутствует поиск внимания к «народу», «народности» у изучаемых авторов. Но данный подход присущ не только критике Мочульского. В те же годы известные советские литературоведы поставили связь с «народом», «народность» в центр своих исследований; «народность» явилась одним из критериев определения значительности и величия произведений литературы. Таким образом, на родине и за рубежом русские критики, несмотря на различие мировоззрений, оставались едины в подходе к главному в оценке произведения – определению его места в национальной культуре, его причастности к национальной жизни.

Книга К. Мочульского может вызвать разные мнения, многое в ней далеко не бесспорно. Но присущий ее автору строй мыслей, пронизательность, оригинальность оценок побуждают читателей, где бы они ни находились, любить русскую литературу, изучать и хранить ее в своей памяти как часть великого национального наследия, как «золотой ключ» от родного дома.

*Луиджи Магаротто,
профессор Венецианского университета*

ВВЕДЕНИЕ

Деятнадцатый век – эпоха расцвета русской литературы. Она была подготовлена стремительным культурным ростом России после реформ Петра Великого. Блистательное царствование Екатерины поставило перед новой, великодержавной Россией вопрос о создании национального искусства. Среди плеяды екатерининских придворных пиитов возвышается величавая фигура «певца Фелицы» – Державина. Развитие художественного языка и литературных форм происходит в необыкновенно быстром темпе. В 1815 году на лицейском экзамене Пушкин читает стихи в присутствии Державина. В «Евгении Онегине» он вспоминает об этом:

*Старик Державин нас заметил
И в гроб сходя благословил.*

Вечерняя заря славной екатерининской эпохи встречается с утренней зарей пушкинского времени. «Солнце русской поэзии», Пушкин стоит еще в зените, когда рождается Толстой. Наши старшие современники лично знали великого яснополянского старца. Так на протяжении одного века рождается русская литература, восходит на вершину художественного развития и завоевывает мировую славу. В одно столетие Россия, пробужденная от долгого сна «могучим гением Петра», напрягает таившиеся в ней силы и не только нагоняет Европу, но на грани XX века становится властительницей ее дум.

Девятнадцатый век живет в лихорадочном ритме; направления, течения, школы и моды сменяются с головокружительной быстротой; каждое десятилетие имеет свою поэтику, свою идеологию, свой художественный стиль. Сентиментализм десятых годов уступает место романтизму двадцатых и тридцатых; сороковые годы видят рождение русского идеалистического «любомудрия» и славянофильского учения; пятидесятые – появление первых романов Тургенева, Гончарова, Толстого; нигилизм шестидесятых годов сменяется народничеством семидесятых; восьмидесятые годы наполнены славой Толстого, художника и проповедника; в девяностых годах начинается новый расцвет поэзии: эпоха русского символизма.

В начале XIX века Карамзин производит смелую реформу русского литературного языка: он сближает его с живой разговорной речью, разрушая канон классической стилистики Ломоносова. Он вводит ясное и логическое строение фразы по образцу французской прозы. В «Письмах русского путешественника» и в повести «Бедная Лиза» поток слезливой чувствительности и трогательной филантропии вливается в русскую литературу. Умиленно и восторженно доказывает Карамзин, что «и крестьянки чувствовать умеют».

Жуковский продолжает дело Карамзина и создает язык русской поэзии. «В бореньях с трудностью силач необычайный», он превращает тяжеловесный стих XVIII века в гибкое, послушное и совершенное орудие, в «Эолову арфу», передающую самые неуловимые и смутные мелодии романтической души. Переводя немецкие и английские баллады, сочиняя меланхолические элегии, пересказывая в прелестных стихах «предания старины», народные легенды и сказки, он

прививает русской поэзии тоску по идеалу, по «очарованному там», возносит лирику на высоту священнодействия и учит:

Поэзия есть Бог в святых мечтах земли.

Волшебные песни, полные глухой музыки души, принесенные Жуковским из туманной Германии, становятся яснее и пластичнее, когда их перепевает Батюшков. Поэт, в расцвете сил пораженный безумием, охваченный трагическими предчувствиями и мучительной тревогой, он создает совершенную форму элегии, в которой воскресает красота античной древности и гармония итальянской поэзии. Роскошные звуки и пластическое величие стихотворения «Умирающий Тасс» достойны гения автора «Освобожденного Иерусалима».

Крылов стоит в стороне от романтизма Жуковского и итальянизма Батюшкова. Он пишет свои добродушно-иронические басни простым, чисто народным складом, чуждым заморской книжности. Лукавый, рассудительный и наблюдательный, он всегда верен действительности и здравому смыслу. У него нет полетов фантазии и возвышенных идеалов, но он умеет несколькими точными словами схватить на лету самое движение жизни. Его бас – ни произведения народного творчества, выражение жизненной мудрости и художественного таланта русского народа.

В бессмертной комедии «Горе от ума» Грибоедова перед нами шедевр русского театра. Написанная острыми стихами и построенная по строго классической форме эта комедия изображает борьбу мечтателя Чацкого с пошлым московским обществом. В доме важного чиновника Фамусова, жадного к чинам и деньгам, среди пестрой толпы «светской черни» разыгрывается

печальная развязка романа Чацкого с дочерью Фамусова Софьей. Во многом она напоминает разрыв Альцеста с Селименой в «Мизантропе» Мольера. Язык комедии, напряженный, нервный, резко выразительный, изобилует афоризмами, давно перешедшими в поговорки. «Горе от ума» продолжает традицию «Недоросля» Фонвизина и открывает путь комедиям Гоголя и Островского.

Подготовительный период кончается. Восходит светило Пушкина, окруженное плеядой спутников. Дельвиг, Веневитинов, Баратынский, Языков, Одоевский, Вяземский, Денис Давыдов – все эти звезды сияют своим чистым и ровным светом; они кажутся нам менее яркими только потому, что их затмевает блеск Пушкина. Появление этого гения невозможно объяснить никакой преемственностью литературных форм. Пушкин – чудо русской литературы, чудо русской истории. На высоте, на которую он возносит русское словесное искусство, все линии развития обрываются. Нельзя продолжать Пушкина, можно только вдохновляться им в поисках иных путей. Школы Пушкин не создает. Лермонтов заканчивает блестящую поэтическую эпоху первой половины века. Он учится у Пушкина и борется с ним, разрушая гармоническое равновесие пушкинского стиха. Возвращаясь к романтическим шаблонам, преодоленным Пушкиным, он создает патетический ораторский стиль, философскую «думу», гневное обличение.

После Лермонтова поэтический поток мелеет, наступает царство повествовательной прозы; в нем затеряны одинокие фигуры нескольких больших поэтов. Некрасов, певец народного горя и гражданской скорби, исторгает из своей суровой музыки «песни, подобные стону», оплакивает в унылых, глухопротяжных и надрывных стихах нищую крестьянскую Россию, бездонное море

народного горя и народной страды. Тютчев, поэт трагически раздвоенного сознания, одаренный пророческим ясновидением, поет о человеческой душе, бьющейся «на пороге как бы двойного бытия». В текучей музыке его стихов мир теряет свои четкие очертания; звуки, цвета и запахи перекликаются, душа природы говорит своим вещим языком. Его философская мысль облекается в образы-символы, и они вспыхивают как зарницы, на мгновение освещая страшную бездну хаоса, на которую «покров наброшен златотканый». Тютчев – обличитель вещей невидимых, поэт ночи.

Фет – поэт дня; для него блистательный покров природы – риза Божества; в узорах этой ткани вписаны знаки Божьего имени. Поэт с благоговейным восторгом отгадывает их тайный смысл. Символист Тютчев родствен Бодлеру, воздушная музыка Фета сближает его с Верленом. Оба они готовят поэтическое возрождение начала XX века: школу русского символизма.

* * *

Волшебное словесное искусство Гоголя вызывает к жизни целое поколение рассказчиков, бытописателей и романистов. Из гоголевской «натуральной школы» выходят все великие писатели 50–80-х годов. «Мы все вышли из гоголевской „Шинели“», – говорит Достоевский. От «Мертвых душ» идет линия развития романа, победное шествие которого наполняет вторую половину века. В 1846 году появляется первая повесть Достоевского «Бедные люди»; в 1847 году – первый рассказ Тургенева «Хорь и Калиныч», первый роман Гончарова «Обыкновенная история», первое художественное произведение Аксакова «Записки об ужении рыбы», первая большая повесть Григоровича «Антон

Горемыка»; в 1852 году Лев Толстой выступает со своим «Детством» и «Отрочеством».

Среди этого блестящего поколения возвышаются великаны – Достоевский и Толстой. За ними идет Тургенев, автор поэтических и правдивых «Записок охотника», глубокий психолог и острый наблюдатель, певец дворянской усадебной России, создавший «лишнего человека» Рудина и нигилиста Базарова. Его романы «Рудин», «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», его благородно-изящные повести и меланхолические «Стихотворения в прозе» – образцы высокого, законченного мастерства¹.

Из романов сдержанного и требовательного художника Гончарова «Обломов» занимает первое место. Сытая, праздная и ленивая жизнь помещицкой усадьбы, широкая и гомерически-патриархальная, изображена автором с горьким юмором и стыдящейся любовью. Слово «обломовщина» вошло в обиход русской речи.

Аксаков в «Семейной хронике» и «Детских годах Багрова внука» рисует ту же старую живописную помещицкую Россию, тех же крепких и своеобразных людей, дедов и отцов, живших по старине, выросших корнями в родную землю и родной народ. Гончаров обличает и морализирует; Аксаков только описывает то, что было, эпически спокойно и простодушно. Он один из величайших стилистов в русской литературе.

В стороне от широкой дороги стоит несравненный по языку рассказчик Лесков, передающий живую речь духовенства, купечества и ремесленного люда. Его

¹Образы самоотверженной и смиренной Лизы Калитиной в «Дворянском гнезде» и крестьянки-праведницы Луке – и в «Живых мощах» полны сияющей духовной красоты.

хроника «Соборяне» и рассказы «Запечатленный ангел» и «Очарованный странник» разбивают все литературные шаблоны и обогащают русскую прозу сокровищами народного и диалектического сказа.

На грани XX века вырастает тончайшее искусство Чехова, печально-нежное и аристократически сдержанное. Рассказчик и драматург, он мягкими пастельными красками рисует серые будни, скучных обыкновенных людей, их неясную тоску и бессильные порывы.

* * *

Оглядываясь на пройденный жизненный путь, Пушкин писал:

*Я долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.*

Эта оценка применима не только к творчеству Пушкина, но и ко всей русской литературе. Для нее всегда «чувства добрые», любовь к человеку и искание Божией правды стояли выше культа чистой красоты и стремления к абстрактной истине. Борьба за свободу, общественную и личную, религиозное горение и проповедь сострадания к падшим, «униженным и оскорбленным» всегда вдохновляли русских писателей. Наша литература – самая «жалостливая», самая человеческая из всех литератур. Тютчев писал:

*Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Обходил благословляя.*

И русская литература идет по следам Христа.

ПУШКИН

(1799–1837)

Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве 26 мая 1799 года. Его мать была внучкой «арапа Петра Великого» – Абрама Ганнибала, сына мелкого абиссинского князька. Пушкин унаследовал от своего прадеда «африканский характер», «пылкие страсти», курчавые волосы и толстые губы. Он гордился прозвищем «арапчик» и мечтал пожить «под небом Африки своей». Отец поэта происходил из древнего дворянского рода Пушкиных, которые

*...и в войске и в совете
На воеводстве и в ответе
Служили доблестно царям.*

Но шестисотлетний род Пушкина захудел и обеднел, и в «Моей родословной» поэт, высоко ценивший свое дворянство, с горькой иронией заявляет:

*Родов униженных обломков,
И, слава Богу, не один,
Бояр старинных я потомок:
Я мещанин, я мещанин.*

Пушкин чувствовал себя «мещанином-литератором» среди «светской черни», смотревшей на него свысока, и аристократом среди «пищущей братии» разночинцев,

которые считали его спесивым дворянчиком. Его положение при дворе было унижительным, в обществе – двусмысленным; ни там, ни здесь не находил он себе места; отсюда его вечное бунтарство и борьба со «светом», кончившаяся его гибелью.

Отец поэта был человеком екатерининского века, легкомысленным, остроумным и холодным. Его библиотека состояла из французских классиков и эротических писателей XVIII столетия, которых Пушкин перечитал в детстве; мать, «прекрасная креолка», капризная и ветреная, предоставила сына французским гувернанткам и гувернерам, которые учили его «чему-нибудь и как-нибудь». Если бы не няня Арина Родионовна, рассказывавшая мальчику русские сказки, он вырос бы настоящим французом. Ребенок Пушкин был «большой увалень и дикарь, кудрявый, с смуглым личиком, не слишком приглядный, но с очень живыми глазами, из которых так искры и сыпались». Лето семья Пушкиных проводила в подмосковном имении Захарове; поэт любил простую русскую деревню, тенистую рощу, спускающуюся к реке, домик на холме, «веселый сад». Одаренный необыкновенной памятью, он на одиннадцатом году знал наизусть всю французскую литературу, читал стихи Дмитриева, Батюшкова и Жуковского и писал шуточные поэмы и пьесы. В 1811 году он поступил в Царскосельский лицей, только что основанный императором Александром I, и из апатичного и ленивого ребенка превратился в Живого, неутомимого и резвого отрока. Учился он посредственно, но шалостям, выдумкам и проказам его не было конца. Шесть счастливых лет провел он в Лицее, в дружной семье товарищей, в веселых играх, в шумных пирушках и одиноких прогулках в огромном царскосельском

парке с томиком Парни в руках. В романе «Евгений Онегин» он вспоминает об этих светлых днях:

*В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни, в таинственных долинах,
Весной при кликах лебединых
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться Муза стала мне.*

Часто после вечерних классов он убежал из Лицея пировать в кругу офицеров гусарского полка, стоявшего в то время в Царском Селе. Здесь он подружился с «лихим повесой» гусаром Каверинным и с блестяще образованным и глубокомысленным Чаадаевым. Гвардия, недавно возвратившаяся из заграничных походов, была охвачена «свободолюбивыми мечтами». Многие из близких приятелей Пушкина вошли потом в тайные общества и участвовали в декабрьском восстании. Если бы поэт не был сослан в село Михайловское, он, вероятно, разделил бы горькую участь своих друзей декабристов.

Почти все лицеисты писали стихи, выписывали русские и иностранные журналы, издавали «Сарско-Сельскую лицейскую газету» и «Императорского Сарского-Сельского лицея вестник». С Пушкиным соперничали поэты Дельвиг, Илличевский, Кюхельбекер. Но вскоре его первенство было всеми признано. Уже в 1815 году Дельвиг восторженно приветствовал его как «лебедя цветущей Авзонии» и восклицал:

*Пушкин! Он и в лесах не укроется,
Лира выдаст его громким пением.*

Слава досталась Пушкину без борьбы и усилий: он как будто родился венчанным царем поэзии.

«Лицейские стихотворения» – скорее упражнения стихотворца, чем произведения поэта. С изумительной легкостью Пушкин овладевает «поэтическим ремеслом», испытывает свои силы во всех лирических жанрах. Он учится стихотворной технике, ритму, построению строк. В потоке юношеских стихов мелькают и величавые оды в стиле Державина, и подражания суровому шотландскому барду Оссиану, и игристые, сладострастные пасторали в стиле Парни и Вольтера, и анакреонтические гимны любви и вину, и разгульные застольные песни, и дружеские послания, и интимные стихотворные письма, и томные, унылые элегии, в которых 16-летний поэт говорит о своем «увядшем сердце», «потухших глазах», об «унылой мрачной любви», об отлетающей юности. Но «безумие страстей» Пушкин переживал еще в одном воображении: скромные студенческие попойки превращались в поэзии в роскошные Лукулловы пиршества, в торжественные жертвоприношения Вакху и Киприде; любовные проказы – в оргии огненных страстей; скука жизнерадостного юноши, жаждущего вырваться на свободу из закрытого учебного заведения, – в романтическую тоску разочарованного мечтателя. Пушкин жаловался: «Целый год еще плюсов, минусов, прав, налогов, высокого, прекрасного! Целый год еще дремать перед кафедрой. Это ужасно». Наконец наступил день освобождения: в 1817 году поэт покинул «царькосельские тени» и тесный круг веселых друзей. Началась вольная, бурная жизнь, и он отдался ей со всем бешенством своей африканской природы. Но Лицея он не забыл: бывшие воспитанники каждый

год праздновали 19 октября – лицейскую годовщину, и поэт посвящал ей вдохновенные стихи:

*Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен –
Неколебим, свободен и беспечен.
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни привело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское Село.*

Окончив Лицей, Пушкин определился чиновником в Коллегию иностранных дел и погрузился в светскую шумную жизнь. Он описал ее в «Евгении Онегине». Любовные увлечения и похождения, та «наука страсти нежной», которую он с жаром изучал, вводили его от поэзии и истощали его силы. Балы, вечера, модные рестораны, театр, балет, «очаровательные актрисы», «причудницы большого света» и доступные «красотки молодые», светские рауты и разгульные гусарские попойки – ничто не может удовлетворить его ненасытной жажды жизни, радости, наслаждений. Несколько раз он заболевает; но, выздоровев, обритый и худой, снова кружится в вихре светских удовольствий. А. И. Тургенев жалуется: «Сверчок (так называли Пушкина его друзья. – К. М.) прыгает по бульвару. Стихи свои едва писать успеваает. Но при всем беспутном образе жизни его он кончает четвертую песнь поэмы (Руслан и Людмила. – К. М.)». Если бы болезнь не приковала поэта к постели и не обрекла на вынужденное затворничество, он, может быть, и не написал бы «Руслана и Людмилы». Историк Карамзин, отечески заботившийся о Пушкине, устраивает ему головомойку.

Тот возвращается от него «хотя тронутый, но едва ли исправленный».

«Руслан и Людмила» (1820) – шутливая поэма, действие которой происходит при сказочном князе Владимире; его дочь Людмилу похищает длиннородый чародей Черномор. Жених Людмилы, храбрый Руслан, и три влюбленные в нее витязя Ратмир, Рогдай и Фарлаф отправляются на поиски. После разнообразных удивительных приключений, в которых принимают участие добрый отшельник Финн и злая колдунья Наина, коварный соперник Руслана Фарлаф посрамлен и влюбленные сочетаются браком. Все весело, пестро и празднично в этой поэме. Правда, русская старина очень похожа на театральную декорацию, а древние витязи – на галантных рыцарей из поэмы Ариосто «Влюбленный Роланд». Людмила прелестна, жеманна и капризна, как маркиза XVIII века: недаром Пушкин знал наизусть шутивную поэму Вольтера «Орлеанская дева». Но поэт и сам не принимал всерьез «народность» своей поэтической сказки; он называет свой труд «игривым», подшучивает над героями, пародирует баллады своего «учителя в поэзии» Жуковского, смешивает эпический тон с комическим, увлекается пышным описанием волшебных садов Черномора и соблазнительных прелестей Людмилы. Но сколько кипящей жизни и чистой поэзии в этих стихах!

Поэма была встречена единодушным восторгом; для широкой публики Пушкин надолго стал «певцом Людмилы и Руслана», а тронутый Жуковский подарил ему свой портрет с надписью: «Ученику – победителю от побежденного учителя».

Вспоминая потом бурные годы в Петербурге между Лицеумом и ссылкой, Пушкин писал в «Онегине»:

*Я Музу резвую привел
На шум пиров и буйных споров,
Грозы полуночных дозоров,
И к ним в безумные пиры
Она несла свои дары
И как Вакханочка резвилась,
За чашей пела для гостей,
И молодежь минувших дней
За нею бурно волочилась...*

И вот над поэтом разразилась гроза. Увлеченный революционными настроениями гвардейской молодежи, Пушкин писал «вольнолюбивые стихи». Его товарищ по Лицею декабрист Пущин рассказывает: «Тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его „Деревня“, „Ода на свободу“ и другие мелочи в том же духе. Не было живого человека, который бы не знал его стихов». В оде «Вольность» описывается убийство Павла I и призывается народ к мести тиранам; в эпиграмме на всемогущего «всей России притеснителя», ближайшего советника Александра I Аракчеева говорится:

*Холоп венчанного солдата,
Благодари свою судьбу,
Ты стоишь лавров Герострата
Иль смерти немца Коцебу.*

(Идеолог «Священного союза» Коцебу был убит студентом Зандом.)

Эти запретные стихи стали известны правительству; Пушкину грозила Сибирь. Карамзин и Жуковский заступились за него, наказание было смягчено: он был выслан в Екатеринослав и причислен к канцелярии генерала

Инзова. Новому начальнику Пушкина министр писал: «Пушкин кажется исправившимся, если верить его слезам и обещаниям», а Карамзин сообщал Вяземскому: «Если Пушкин теперь не исправится, то будет чертом еще до отбытия в ад».

После трехлетнего пребывания в Петербурге (1817–1820) следует шестилетняя ссылка (1820–1826): четыре года в Кишиневе и в Одессе и два года в селе Михайловском.

Поэт пишет брату: «Приехав в Екатеринослав, я соскучился, поехал кататься по Днепру, выкупался и схватил горячку по моему обыкновению. Генерал Раевский, который ехал на Кавказ с сыном и двумя дочерьми, нашел меня в жидовской хате, в бреду, без лекаря, за кружкой оледенелого лимонада... Инзов благословил меня на счастливый путь. Я лег в коляску больной; через неделю вылечился». Герой Отечественной войны Раевский и его семья приняли в Пушкине сердечное участие. С ними он прожил два месяца на Кавказских минеральных водах; он был поражен дикой красотой Кавказа, «великолепной цепью гор, ледяные вершины которых издали, на ясной заре кажутся странными облаками, разноцветными и неподвижными»; ему нравился полуазиатский край, недавно покоренный доблестным Ермоловым, его забавляли опасности путешествия: отряд из 60 казаков сопровождал путников с заряженной пушкой. В Пятигорске поэт карабкался по крутым каменным тропинкам, пробирался сквозь кустарник на краю пропастей. Он отдыхал от бурной жизни в Петербурге, которая начинала его тяготить, был весел и беспечен. С Кавказа он отправился вместе с Раевским в Крым; подъезжая на корабле к Гурзуфу, написал свою элегию

«Погасло дневное светило» – первую дань любви к Байрону. Поэт прощается с «туманной родиной», с «минутными друзьями» и «изменницами младыми» и грустно думает о своей «потерянной младости»:

*Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан!*

О жизни в Крыму он вспоминал потом как о лучших своих днях; дочь генерала Раевского Мария, вышедшая впоследствии замуж за декабриста князя Волконского и последовавшая за ним в ссылку в Сибирь, покорила его влюбчивое сердце; брат ее Александр познакомил поэта с Байроном. Пушкин называл Александра Раевского своим «демоном»:

*Он «звал прекрасное мечтою»,
На жизнь насмешливо глядел
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.*

Холодный и надменный, Раевский драпировался в Чайльд-Гарольдов плащ и казался поэту загадочным байроническим героем.

Наконец, Пушкину пришлось вспомнить о службе. Тем временем начальник его генерал Инзов был переведен в Кишинев, и поэт неохотно отправился этот глухой угол полудикой Бессарабии. Следы В давнего турецкого владычества еще оставались на ах пестрого населения. Восточная лень, распушенность, карты, кутежи и сплетни – вот что ожидало Пушкина в Кишиневе. «Донжуанский список» поэта быстро растет. «Пушкин не изменился на юге» пишет М. Попов, – был по-прежнему умен и ветрен, насмешлив и беспре-рывно впадал в проступки, как ребенок». Он два раза

дрался на дуэли, со скуки бесновался и бранил в стихах «проклятый город Кишинев». Раз, повстречав в степи цыганский табор, пристал к нему и прожил с цыганами два дня «на дикой воле». И все же, несмотря на разгул и тоску, он много читал и думал. Он пишет Чаадаеву:

*В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений...
Ищу вознаграждать в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.*

В 1823 году он переходит на службу в Одессу. После бессарабского захолустья большой торговый город с порто-франко показался ему Европой. Мы читаем в «Странствиях Онегина»:

*Там все Европой дышит, веет,
Все блещет югом и пестреет
Разнообразностью живой.*

Космополитическое население, южное солнце, Море, пестрые флаги кораблей, устрицы из Константинополя, итальянская опера, казино, морские купания и хорошенькие балерины разбудили вдохновение поэта. Но вскоре он впадает в мрачное настроение: его начальник – наместник края граф Воронцов обращается с ним как с чиновником и презирает его стихотворство. Пушкин влюбляется в его красавицу-жену и между ними происходит разрыв: поэт пишет язвительные эпиграммы на Воронцова, а тот просит министра убрать его из Одессы, так как «восторженные поклонники вскружили ему голову... между тем как он в сущности только слабый подражатель не совсем почтенного образца – лорда Байрона».

Пушкин был выслан на жительство в псковское имение его родителей – село Михайловское. Прощаясь с Черным морем, он написал стихотворение «К морю».

*Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь воды голубые
И блещешь гордою красой.*

Поэт часто бродил по берегу, одинокий и унылый, и мечтал умчаться в далекие края, но теперь он ни о чем не жалеет:

*Судьба людей повсюду та же:
Где капли блага, там на страже
Иль просвещение, иль тиран.*

На юге Пушкин переживает увлечение Байроном, поэзией гордого одиночества, презрительной тоски и угрюмой разочарованности. В байроническом тоне написаны поэмы «Кавказский пленник» «Бахчисарайский фонтан» и «Цыганы».

В центре поэм Байрона стоит любовный конфликт: герой – изгнанник или преступник, загадочный и мрачный, любит «роковой страстью» какую-нибудь восточную красавицу и губит ее. о поэме «Корсар» – красочный мусульманский сток. Разочарованный Корсар не может отвечать на страсть Гюльнары, так как продолжает любить покинутую им Медору. В противоположность классической поэме с ее плавным последовательным повествованием байроническая поэма начинается внезапно с середины или с конца; драматические сцены сменяют одна другую в причудливом беспорядке; все отрывисто, недосказано, таинственно. Ночные свидания, похищения, кинжалы, яд, вероломство

и месть, подвиги и преступления – постоянные мотивы этой мрачной поэзии.

В «Кавказском пленнике» (1820–1821) Пушкин послушно следовал за Байроном, заполняя его схему личными впечатлениями от Кавказа и живописной жизни горцев. Молодой русский попадает в плен к черкесам, возбуждает любовь в черкешенке и с ее помощью бежит. Но увы! Он не может ее любить, ибо после «душевных бурь любви несчастной» он «умер для счастья»; на душе его «печальный хлад»; он

*...бурной жизнью погубил
Надежду, радость и желанье,
И о былом воспоминанье
В увядшем сердце заключил.*

Пленник переплывает бурную речку, и на противоположном берегу его встречают русские сторожевые казаки. Покинутая черкешенка в отчаянии бросается в воду. Образ пленника – первый опыт характеристики байронического героя. Он не удался Пушкину, и поэт это осознавал. «Характер пленника неудачен, – писал он, – это доказывает, что я не гожусь в герои романтического стихотворения. Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную страсть души, которые сделались отличительными чертами молодежи XIX века». И все же поэт любил свое неудавшееся создание. «В нем есть стихи моего сердца», – говорил он. В «Кавказском пленнике» Пушкин гармоническими стихами воспел суровую красоту Кавказа и вольную жизнь воинственных племен; читатель был очарован новым для него поэтическим миром. После Пушкина тема Кавказа навсегда вошла в русскую литературу (Лермонтов,

Лев Толстой). Критик Белинский писал: «Пушкин был явно увлечен двумя предметами – поэтической жизнью диких и вольных горцев и потом элегическим идеалом души, разочарованной жизнью. Изображение того и другого слилось у него в одну роскошно-поэтическую картину. Грандиозный образ Кавказа с его воинственными жителями в первый раз был воспроизведен в русской поэзии. И Кавказ – эта колыбель поэзии Пушкина – сделался и колыбелью поэзии Лермонтова».

Путешествуя по Крыму, Пушкин посетил развалины Бахчисарайского дворца. Екатерина Раевская рассказала ему предание о графине Потоцкой, которую некогда татары увезли из Польши; она попала в ханский гарем, и крымский хан страстно ее полюбил. О фонтане Бахчисарайского дворца Пушкин пишет: «К...» поэтически мне описывала его, называя фонтаном слез. Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан: из заржавой железной трубки по каплям падала вода... Раевский почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема и на ханское кладбище».

Поэма «Бахчисарайский фонтан» (1822) написала в манере Байрона. Крымский хан Гирей влюбляется в прекрасную пленницу Марию и охладевает к своей жене Зареме. Терзаемая ревностью, Зарема ночью тайком является к Марии и умоляет ее вернуть ей сердце Гирея. Она говорит о безумии своей страсти и грозит страшной мезтью. Дальнейшее погружено в таинственный мрак: мы узнаем о смерти Марии, о казни Заремы, о свирепом отчаянии Гирея. Разочарованный хан более напоминает байроновского Корсара, чем дикого татарина; Мария и Зарема – родные сестры Медоры и Гюльнарры английского поэта. Пушкин

признавался: «Бахчисарайский фонтан слабее Пленника и, как он, отзывается чтением Байрона, от которого я с ума сходил. Сцена Заремы с Марией имеет драматические достоинства».

Как ни мелодраматично действие поэмы, как ни комичен разочарованный хан, который ...в сечах роковых

Подъемлет саблю, и с размаха Недвижим остается вдруг... все же эта поэма – одно из самых пленительных произведений Пушкина. Его стих становится гибким и крепким; в гармонии созвучий появляется какая-то переливающаяся, сверкающая влажность; звуки льются и звенят, как прозрачные струи «фонтана грез». Таких стихов, такой заглушенной и томно-сладостной мелодии еще не бывало в русской поэзии.

Полны магии заключительные строки поэмы:

*Волшебный край, очей отрада!
Все живо там: холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин приятная краса
И струи и тополей прохлада –
Все чувства путника манит,
Когда, в час утра безмятежный,
В горах, дорогою прибрежной
Привычный конь его бежит,
И зеленеющая влага
Пред ним и блещет и шумит
Вокруг утесов Аю-Дага...*

Создав романтический образ Кавказа, Пушкин творит новую экзотическую легенду – «сладостной Тавриды», где под сенью лавров над розами поют соловьи, где звучные фонтаны бьют в мраморных гаремах, где ночью при свете луны в узких улицах мелькают белые

чадры восточных красавиц, а «зеленеющая влага» моря шумит у скал Гурзуфа...

В поэме «Цыганы» (1824) Пушкин драматизирует эпизод из своей собственной жизни: он сам два дня странствовал с цыганским табором по Буджанской степи, сам играл роль Алеко, пережил краткое увлечение беспечной и сговорчивой Земфирой. К счастью, в действительности это приключение не кончилось столь трагически, как в поэме. Вырваться из «проклятого города» Кишинева, удрал из скучной канцелярии Инзова, пожить вольной, бродячей жизнью с цыганами – как должен был радоваться Пушкин этой проказе! Земфира находит Алеко в степи и приводит в табор к отцу. Старый цыган ласково принимает гостя: если они любят друг друга, то пусть и живут вместе. Алеко счастлив, днем он водит медведя, ночи проводит в шатре Земфиры. Ему нравится «бродячая бедность» и воля: ее шум, цыганские припевы, рев медведя, пестрота лохмотьев, нагота детей, лай собак, звук волынки и скрип телег. Но Земфира пылка и непостоянна; скоро любовная ее песнь сменяется другой:

*Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня;
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.*

Алеко, снедаемый ревностью, застигает ее у кургана в объятьях молодого цыгана; он убивает и изменницу и соперника. Старик велит ему покинуть табор:

*Оставь нас, гордый человек!
Мы дики, нет у нас законов...
Но жить с убийцей не хотим.*

И табор скрывается вдаль; окровавленный Алеко остается один, как подстреленный журавль, покинутый улетевшей стаей.

Алеко – вполне «байронический» характер: его душой «играют страсти», «его преследует закон», так жил он раньше, откуда он – мы не знаем.

Он бездомный скиталец, ненавидящий «неволю Душных городов» и «пышную суету наук». Как Рене Шатобриан, он пресыщен цивилизацией и жаждет опрощения; его гордой личности тесно в «оковах просвещения», и он поднимает бунт против общества. Он хочет быть свободным дикарем, а не рабом денег и предрассудков. Бунтаря Пушкина пленили своеволие и мятеж байроновских героев, Не надолго. Вскоре под романтическим покровом он разглядел другие черты – «безнадежный эгоизм», самовлюбленность, непомерную гордость и холодное презрение к людям. Алеко нравится цыганская свобода нравов, если она не затрагивает его личных интересов; но лишь только Земфира отнимет у него свою свободно подаренную любовь, он свирепеет от злобы и ревности:

*Нет, я не споря
От прав моих не откажусь;
Или хоть мщеньем наслажусь.*

Он отвергает все законы человеческого общежития, но помнит о своих правах, ищет свободы и кончает преступлением.

Старый цыган, смиренный и мудрый, развенчивает «модный кумир». Он прогоняет «гордого человека» и говорит ему:

*Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;*

*Ужасен нам твой будет глас:
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел – оставь же нас!*

Устами цыгана говорит народ, он представитель общинного начала. Как в античной трагедии, бунтующему против богов трагическому герою противостоит предводитель хора. Культ личности, греховное самоутверждение сталкиваются с религией общины – любовью и смирением. Но, казнив своего Алеко, Пушкин не впал в обратную крайность: он не идеализировал «людей природы», перед которыми так преклоняется фантазер Руссо. Любовные капризы и измены жены старого цыгана Мариулы его дочери Земфиры – совсем не идеал человеческих отношений. Трезвый и ясный Пушкин далек от романтических утопий. Он понимает, что «рай» среди дикарей – чистая выдумка. В «Эпilogue» он пишет:

*Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!
И под издранными шатрами
Живут мучительные сны,
И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.*

Чувством неотвратимого фатума проникнута драматическая поэма Пушкина – в этом еще одно ее сходство с греческой трагедией.

* * *

В августе 1824 года Пушкин приезжает в село Михайловское, ссорится с отцом, который увозит всю семью

в Москву. Поэт остается один с няней. Другьям он пишет о «тоске», о «бешеной тоске», но постепенно привыкает к скучной и спокойной деревенской жизни. «Мои занятия, – сообщает он брату: – до обеда пишу записки, обедаю поздно, После обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки – и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!»

Ему хочется проникнуть в дух народного творчества, почувствовать себя русским. По праздникам бродит по деревням, прислушивается к хороводным песням, у местного священника расспрашивает про «всякие крестьянские пословицы и приговоры» – в дни годовой ярмарки ездит в Святогорский монастырь, подолгу слушает нищих, поющих духовные стихи о Лазаре, Алексее Божием человеке, об архангеле Михаиле, о Страшном Суде и другие. Для этого «хождения в народ» он придумывает довольно фантастический костюм: «красная рубашка на нем, кушаком подвязана; штаны широкие, белая шляпа соломенная на голове, палка железная в руках». Он записывает народные песни о Стеньке Разине и искусно подражает им.

По утрам поэт серьезно работает и с жадностью читает Шекспира. Перед ним открывается новый мир, и в его ярком свете бледнеет субъективная поэзия Байрона. «Как мелок Байрон в трагическом роде перед Шекспиром, – пишет он. – Этот Байрон, который никогда не создал другого характера, кроме собственного, деля различные черты его между действующими лицами». Исторические хроники Шекспира, насыщенные жизнью, борьбой, страстью, полные сильных и разнообразных характеров, внушают ему желание создать русскую историческую трагедию.

«Что за человек Шекспир! – восклицает он. – Не могу прийти в себя!»

В 1824 году вышли X и XI том «Истории Государства Российского» Карамзина, посвященные эпохе Бориса Годунова и Смутного времени. Образ Годунова, убийцы на престоле, мудрого правителя и честолюбца, не останавливающегося перед преступлением для достижения власти, показался Пушкину достойным гения Шекспира. Разве в Годунове нет мрачного величия Макбета? Разве Смутное время в России не полно громом драматических событий как и хроники Шекспира?

Пушкин разбивает ветхую условную форму классической драмы и создает романтическую трагедию: вместо правила о трех единствах – действие, захватывающее период в семь лет и свободно переносящееся из Москвы в Польшу, из кремлевских палат в келью Чудова монастыря, в корчму на литовской границе, в замок воеводы Мнишека в Самборе, на равнину близ Новгорода-Северского; вместо обязательных пяти актов, написанных александрийским стихом и «благородным слогом», – двадцать пять пестрых сцен, пятистопный ямб и смешение трагического с комическим.

В заметках Пушкина мы читаем: «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в формы драматические одну из самых драматических эпох новейшей истории. Шекспиру подражал я в его вольном и широком изображении характеров, в необыкновенном составлении типов и простоте; Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени». Пушкин писал с пламенным вдохновением. Талант его созрел:

приближение к народному творчеству и русской величавой старине сделало его национальным поэтом. «Я доволен, – писал он друзьям, – и чувствую, что душа моя развилась вполне. Я могу творить». «Борис Годунов» (1825) – трагедия совести. У Бориса «высокий дух державный», «светлый ум», несокрушимая энергия. Он хочет быть царем «благим и праведным» и «в довольствии, и славе успокоить свой народ»; он мудрый правитель и нежный отец: последние минуты перед смертью он отдает не покаянию, а беседе с сыном, ибо тот ему «дороже душевного спасения». Но напрасно старается он «щедротами снискать» любовь народа напрасно ищет поддержки среди бояр, отрады в семье. Глухое недовольство, недоверие, враждебность с каждым годом растут вокруг его колеблющегося трона. В душе своей он не находит ни удовлетворения, ни покоя: в ней живет страшное воспоминание о содеянном грехе, которое нельзя заглушить ни славой, ни добром.

Борис родился с царственной душой, но путь к трону был ему прегражден законным наследником – царевичем Дмитрием. И сильный человек решил его устранить. Какую цену имеет жизнь болезненного ребенка по сравнению с теми славными и великими делами, которыми он ознаменовал свое царствование? Неужели он не искупит своей вины, возвеличив Россию и осчастливив народ? И вот – все гибнет: Борис мог побеждать внешних врагов, обуздывать внутреннюю крамолу, бороться со стихийными бедствиями – голодом и пожарами, – но он бессилен против «маленького пятна» на своей совести. В знаменитом монологе «Достиг я высшей власти» Годунов признает свое поражение.

*Ах, чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть –
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою;
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда беда: как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упреком,
Я все тошнит, и голова кружится,
Я мальчики кровавые в глазах...
Я рад бежать, да некуда... ужасно!..
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.*

Тем временем летописец Пимен в темной келье пишет об убийстве Дмитрия. Смиренный и вдохновенный Богом, он ощущает преступление Бориса как грех всего народа, всей России. Совесть народил – суд Божий, и от этого суда не уйти Борису. Народ мучится грехом царя: тень убиенного младенца вдруг становится плотью, призрак оживает: народ смутно чувствует в нем мстителя, посланного Богом, и идет за ним. Беспечный и беспутный чернец Гришка Отрепьев сам по себе бессилен и ничтожен, но он орудие Божьего промысла, и «пустое имя, тень» срывает порфиру с преступного царя.

Таков глубокий религиозный смысл драмы Пушкина. Правда народная, носителем которой является монах Пимен, побеждает человеческую гордыню властолюбца. «Народ безмолвствует», но в молчании его говорит Бог. История есть суд Божий. Самозванец грозит Борису:

*И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от Божьего суда!*

* * *

В Михайловском Пушкин написал много лирических стихотворений. В «Зимнем вечере»

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя...*

Поэт коротает долгий зимний вечер в своем ветхом домике со старушкой няней: завывание бури жужжающие веретена, нянины песни, все «печально и темно».

*Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя: где же кружка?
Сердцу будет веселей!*

Поэт празднует в своем деревенском заточении 19 октября, день лицейской годовщины, вспоминает друзей, пиры, мечтанья, стихи, зовет к себе Кюхельбекера, брата по музе, по судьбам...

*Поговорим о бурных днях Кавказа
О Шиллере, о славе, о любви...*

Он не в силах больше переносить изгнание, мечтает убежать за границу, в Париж, в Лондон, серьезно обдумывает план бегства. Друзья хлопчут о помиловании опального поэта. Умирает Александр I: новый государь Николай I разрешает Пушкину приехать в Москву на коронацию. О свидании с царем поэт рассказывает так: «Фельдъегерь вырвал меня из моего насильственного уединения и привез в Москву прямо в Кремль. Всего покрытого грязью меня ввели в кабинет императора... Государь сказал: „Довольно ты подурачился, надеюсь, теперь будешь рассудительным, и мы больше ссориться не будем“».

В заключение царь объявил поэту, что отныне он сам будет его цензором. Эта милость вскоре превратилась для Пушкина в источник обид и унижений: царь поручил цензорство начальнику Третьего отделения (тайной полиции) Бенкендорфу, который преследовал поэта мелочными придирадками, выговорами и подозрениями.

Москва встретила Пушкина восторженно; когда он появился в театре, «мгновенно пронесся по всему театру говор, повторявший его имя. Все взоры, все внимание обратилось на него. У разъезда толпились около него и издали указывали его по бывшей на нем светлой пуховой шляпе». Погодин рассказывает о потрясающем впечатлении, которое произвело чтение Пушкиным «Бориса Годунова»: «Мы просто все как будто обеспамятели. Кого бросало в жар, кого в озноб... Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго, и потом бросились к Пушкину. Начались объятья, поднялся шум, раздался смех, полились слезы, поздравления».

После первого опьянения славой, свободой, светской блестящей суетой Пушкин вдруг стал мрачен. Он вел самую рассеянную жизнь, танцевал на балах, волочился за женщинами, играл в карты, участвовал в пирах золотой молодежи. Но «в нем было заметно какое-то грустное беспокойство, какое-то неравенство духа; казалось, он чем-то томился, куда – то порывался». Тут была не только опека Бенкендорфа, душившая его свободный гений: Пушкин переживал глубокий кризис. На день своего рожденья 26 мая он пишет мрачные стихи:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана.*

В «Воспоминании» говорит о мучительных часах бессонницы, об угрызениях «змеи сердечной».

*Воспоминание безмолвно предо мной
Свои длинный развивает свиток.
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.*

Мысли о смерти неотступно за ним следуют. В «Стансах» он вопрошает судьбу о смерти: на шумных улицах и в многолюдном храме, на пирах и среди природы,

*День каждый, каждую минуту
Привык я думой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Меж них стараюсь угадать.*

В эти печальные годы он мало пишет; вяло продолжает «Онегина» и создает только одно крупное произведение – поэму «Полтава». Пушкин читал поэму Рыльева «Войнаровский». Племянник гетмана Мазепы Войнаровский в Сибири рассказывает одному русскому ученому о своем бегстве вместе с Мазепой после Полтавской битвы. Поэта поразили две строчки:

*Жену страдальца Кочубея
И обольщенную им дочь.*

– и он в несколько дней написал поэму «Полтава» (1828). Коварный, честолюбивый и злобный Мазепа, желая отомстить Петру I за обиду, переходит на сторону его врага, шведского короля Карла XII и после победы русского царя бежит с ним в Бессарабию. Он обольщает дочь своего друга Кочубея и тот доносит Петру о готовящейся измене. Но царь, опутанный хитрой лестью гетмана, отдает голову Кочубея Мазепе. Мария, ради

седого своего возлюбленного покинувшая родной дом, не знает, что отец ее приговорен к казни. Мать прибегает к ней и умоляет спасти отца. Женщины подбегают к плахе, когда голова Кочубея уже отсечена. Несчастливая Мария сходит с ума. Мазепа встречает ее в лесу ночью, но она его не узнает.

Эта полная драматизма любовная фабула со всеми атрибутами романтической новеллы: преступной любовью юной крестницы к старику – крестному отцу, предательством, мстостью, застенком, цепями, казнью, мятежом, битвой и безумием, вставлена автором в рамки широкой исторической картины. Россия переживает роковой час своей истории; все дело Петра поставлено на карту. Полтавская битва решает судьбу «великой северной державы». Несравненная по энергии и выразительности картина Полтавского боя всем известна; она давно стала достоянием хрестоматий. Себялюбивый честолюбец Мазепа, думающий только о своей славе, о своем величии, гибнет посрамленный. «Свыше вдохновенный» Петр, жертвующий собой России, верящий в ее великое будущее, воздвигает себе «огромный памятник». Пушкина влек к себе этот могучий и ужасный образ, это воплощение таинственной судьбы России, он вглядывался в лицо «грозного царя»:

...Его глаза

Сияют. Лик его ужасен.

Движенья быстры. Он прекрасен,

Он весь, как Божия гроза.

Божий промысел действует в истории через великих людей – только они живут вечно в памяти людей; все остальные «сильные, гордые мужи» поглощаются забвением:

*Их поколение миновалось –
И с ним исчез кровавый след
Насилия, бедствий и побед.*

В 1829 году Пушкин уехал в Закавказье, где шла война с Турцией; он сопровождал действующую армию и искал опасности, может быть смерти. После взятия Арзрума он побывал на кавказских минеральных водах; впечатления свои описал впоследствии в «Путешествии в Арзрум». Вернувшись в Россию, он посватался к 16-летней московской красавице Наталье Николаевне Гончаровой и осенью 1830 года отправился в имение отца село Болдино, чтобы перед свадьбой устроить свои запутанные дела. Из-за холеры сообщение с Москвой было надолго прервано, и поэту пришлось всю осень просидеть в Болдине.

Тут посетило его такое вдохновенье, что он забыл и Москву, и денежные хлопоты, и преследования Бенкендорфа, и даже невесту. «Ты не можешь себе вообразить, – писал он Плетневу, – как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать... Я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез: две последние главы Онегина, повесть, писанную октавами („Домик в Коломне“), Скупой Рыцарь, Моцарт и Сальери, Пир во время Чумы, Дон-Жуан и около 30 мелких стихотворений. Еще не все: написал я прозой 5 повестей („Повести Белкина“).

Это была настоящая буря вдохновения, о которой Пушкин писал:

*...Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.*

Болдинской осенью было закончено совершеннейшее из его творений – роман в стихах «Евгений Онегин». Начатый в 1823 году в Кишиневе, он как верный друг сопутствовал поэту в его скитаниях: Пушкин продолжал его в Одессе, Михайловском и Петербурге.

Судьба автора, его духовное и поэтическое развитие, его настроения, радости и печали – все отразилось в этом «собрании пестрых глав». И все же, несмотря на разнообразие материала, вошедшего в поэму, она едина и закончена. Могучий лирический поток своим ритмом и звучанием объединяет ее разнородные элементы. О чем бы ни рассказывал нам поэт – о светской ли жизни своего разочарованного героя, о печальной ли судьбе «милой Тани», любившей Онегина, отвергнутой им и соединившей свою жизнь с нелюбимым мужем, о восторженном ли поэте Ленском с кудрями черными до плеч, убитом на дуэли другом, о белокурой ли его невесте Ольге, скоро утешившейся после смерти жениха, о старушке ли няне, в платке и длинной телогрейке, – всегда мы слышим его личный голос, биение его сердца. Поэма едина, как едина личность автора, Как едина его душа; и ни в одном произведении Эта Душа, полная гармонической ясности, любовной Нежности, беззлобной насмешливости глубокой печали, не открывается перед ним так доверчиво, как в «Онегине».

Пушкин говорит о себе, о своей жизни, о своих чувствах, воспоминаниях и мечтах. Его душа «трепещет и дрожит» – и из поэтического волнения ее рождаются образы, как легкие тени; они растут уплотняются, но никогда не отрываются вполне от породившего их лона – лирического потока.

Онегин – конечно, не сам Пушкин: у него своя судьба, свой характер, свое особое лицо. Но как близок он

автору, как часто забываем мы о черте, отделяющей творца от творения. Он «друг» поэта, его «добрый приятель» – у него та же «мечтам невольная преданность», «неподражаемая странность», он тоже «повеса пылкий», «философ в осьмнадцать лет». Когда в 1819 году поэт предается наслаждениям светской жизни, Онегин сопровождает его по театрам, ресторанам, холодным пирушкам, балам и раутам. Как Пушкин, Онегин страдает модным сплином, подражает Чайльд Гарольду и сочиняет злые эпиграммы; так же скучает в деревне, читает романы и ездит верхом. В лирическом романе герой не до конца объективируется: Пушкин приписывает ему свои желания, мысли, свои «поэтические бредни». Он как будто забывает иногда, что Онегин – светский сноб, а не поэт. Ночью, когда небо светло над Невой и луна отражается в воде, два друга – поэт и его герой – мечтают вместе:

*Вспомня прежних лет романы,
Вспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, беспечны вновь
Дыханьем ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы.*

Кажется, что ночью Онегин сбрасывает маску «типичного представителя полуобразования», как о нем выражаются в учебниках, и становится тенью поэта, отбрасываемой его фигурой на гранит набережной. Вот почему, рассказывая о жизни Онегина, Пушкин так легко переходит к личным признаниям, размышлениям о своей судьбе, воспоминаниям о былых романах. Это совсем не «отступления», как нам толковали в школе, а та же лирическая волна, которая свободно переливается из мира, создаваемого писателем, в его внутренний мир.

Столь же неразрывна связь образа Татьяны с душой Пушкина. Он любит свою героиню, как любил ту, «с которой образован» ее «милый идеал». Он не может без умиления смотреть на эту «барышню уездную с печальной думою в очах, с французской книжкой в руках»; он трепещет за ее судьбу, льет над ней слезы, восхищается ее духовной красотой. Все мечты о любви, все порывы к чистоте и женственности, всю боль разочарования, все воспоминания о промелькнувшем и изменившем счастье, всю неутолимую жажду прекрасного вложил Пушкин в это дитя своего сердца. И из бурного моря его страстей и желаний она возникла в «магическом кристалле» поэзии как воплощенный идеал «чистейшей прелести чистейший образец». Психология нас учит, что каждое чувство носит в себе зародыш образа. Чувства поэта объективируются в живых людях. Так и Ленский – часть души Пушкина, пройденный этап его художественного развития.

*Так он писал темно и вяло
Что романтизмом мы зовем.*

Пушкин подшучивает над своим юношеским романтизмом, когда в Лицее

*Он пел разлуку и печаль,
И нечто, и туманну даль.
Он пел поблеклый жизни цвет,
Без малого в осьмнадцать лет.*

В зеркальном отражении искусства поэт видит свой образ, свою «потерянную младость», свои разбитые надежды, все, что минуло безвозвратно, все, что прошло без следа. И строфы повествовательные сменяются размышлениями о смысле жизни, о ее тленности

и хрупкости. Все проходит, и все непоправимо. Онегин хотел остановить жизнь, сделать невозможное, вернуть прежнюю Татьяну, ту девочку, которой он

*...в благом пылу нравоученья
Читал когда-то наставленья...*

Но увы – той Татьяны уже нет, а эта новая, блистательная законодательница зал, спокойная и равнодушная, на его слезы и мольбы отвечает:

*...я другому отдана
И буду век ему верна.*

Роман обрывается, но он внутренне закончен. Зачем нам знать, что дальше будет с Онегиным. Он проиграл свою жизнь. Жизнь всегда кончается проигрышем; счастлив, кто вовремя вышел из игры.

*Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.*

И все, что погибает в жизни, в нетленной красоте, воскресает в искусстве. Вот почему печаль Пушкина светла, и радостна его измученная душа.

В Болдине он пишет элегию «Безумных лет угасшее веселье», где после жалобы на печаль, труд и горе жизни он восклицает:

*Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будет наслажденья
Меж горестей, забот и треволенья:*

*Порой опять гармонией ульюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И, может быть, на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.*

* * *

В «драматических сценах» Пушкин в предельно сжатой форме создает образы, художественно совершенные и философски неисчерпаемые: «Скупой рыцарь» – поэма страсти к деньгам, этому символу Могущества, страсти разрушительной, как роковая стихийная сила; «Моцарт и Сальери» – трагедия гибели гения, «гуляки праздного» Моцарта от руки завистливой посредственности Сальери; «Каменный гость» – поэма о Дон-Жуане, великом мастере в «науке страсти нежной», бросающем гордый вызов судьбе и гибнущем от пожатия «каменной десницы» убитого им Командора; в «Пире во время чумы» Председатель поет гимн в честь чумы:

*Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении чумы!*

Это стихотворение, может быть, одно из самых гениальных произведений Пушкина.

* * *

Вернувшись из Болдина в Москву, поэт 18 февраля 1831 года женится на Гончаровой, работает в государственных архивах, собирает материалы для задуманной им истории Петра Великого, пишет свои

несравненные сказки: «О царе Салтане», «О рыбаке и рыбке», «О мертвой царевне», «О золотом петушке». В них живет душа народной поэзии; все просто в них, наивно и правдиво. Подражая псевдонародным «иллирийским» песням Мериме, он создает изумительные по выразительности «Песни западных славян».

В 1833 году он совершает поездку по Казанской и Оренбургской губерниям, чтобы изучить места, где происходило восстание Пугачева, и сочиняет «Историю Пугачевского бунта». В этом же году он пишет поэму «Медный всадник», действие которой происходит в Петербурге во время наводнения 1824 года. Бедный чиновник Евгений, невеста которого была унесена разлившейся рекой, мешается в рассудке и прокликает «гиганта на бронзовом того, «чьей волей роковой над морем город основался». И вот ему кажется, что Фальконетов памятник Петру срывается со своей гранитной скалы и мчится за ним. Евгения находят мертвым у развалившегося домика его невесты.

Пушкин снова возвращается к тому могучему и ужасному образу Петра, который уже промелькнул перед нами в «Полтаве»; его мучит тайна «роковых людей» в истории. Сколько бедных, ни в чем не повинных людей, вроде мелкого чиновника Евгения, дрожавшего над своим маленьким счастьем, раздавлено копытами Медных всадников – Александров, Наполеонов, Петров! Как страшно это беспощадное величие правителей и народов! И поэт спрашивает статую Петра:

*О, мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию вздернул на дыбы?*

Стихи, прославляющие Петербург – «юный град, полнощных стран краса и диво», по художественному совершенству не имеют себе равных в Русской поэзии.

Пушкин создал русскую повествовательную прозу, он выковал тот художественный язык, на котором заговорила великая русская литература XIX века. И Гоголь, и Тургенев, и Достоевский, и Толстой учились у Пушкина, самому же Пушкину почти не у кого было учиться. Создатель русской повести Карамзин был слишком в плену у французов, подражал их синтаксису, сочинял новые слова на манер французских, вводил галлицизмы и не считался с духом русской речи. Им были сочинены слова: влияние (*influence*), развитие (*développement*), сосредоточить (*concentrer*), обстоятельство (*circonstance*) и другие. Проза его была нарядна чувствительна до притворности, манерна и выложена: искусственный продукт книжной образованности.

Пушкин производит революцию: он рекомендует учиться русскому языку не у литераторов, а у московских просвирен. В основу своей прозы он кладет простую разговорную речь, живой московский говор. «Повести Белкина» не сочинены литератором, а рассказаны Белкиным, мелким помещиком, учившимся у деревенского дьячка. Робкий и застенчивый от природы, наивный и простодушный, он страдает «недостатком воображения». Выдумав рассказчика-самоучку, Пушкин сразу нашел тон для своих повестей. В них нет ни книжной тяжеловесности, ни ученой риторики, ни поэтических украшений: простой, прямой рассказ, народный и живой. В «Станционном смотрителе» – печальная повесть об этом «сущем мученике четырнадцатого класса», дочь которого, красавица Дуня, убегает с проезжим гусаром; в «Метели» – забавное приключение

гусара Бурмина, заблудившегося во время метели и по рассеянности обвенчавшегося с чужой невестой; в «Выстреле» – иронически рассказанная история мести загадочного Сильвио; в «Барышне-крестьянке» – веселая любовная интрига деревенской барышни, переодетой в крестьянское платье и покоряющей сентиментального соседа помещика.

Белкин передает то, что слышал, без критики, «не мудрствуя лукаво». О слоге он не заботится – лишь бы было проще и понятнее. Фразы короткие, быстрые, сухие. Вот, например, начало «Выстрела»: «Мы стояли в местечке ***. Жизнь армейского офицера известна. Утром ученье, манеж; обед у полкового командира или в жидовском трактире, вечером – пунш и карты».

Отталкиваясь от литературности и украшенности, Пушкин сознательно обедняет свой слог; он изгоняет эпитеты, довольствуется почти одними главными предложениями, скуп на обстоятельные слова. От прозы он требует только «мыслей и мыслей»; но иногда он впадает в обратную крайность: фраза его подсушена и разъята на составные части; в ней короткое дыхание, нет разнообразия и простора.

Эти недостатки исчезают в большой исторической повести «Капитанская дочка» (1833–1834), написанной в форме рассказа простого и доброго человека, ни о какой литературе не помышляющего. Офицер Петр Андреевич Гринев рассказывает историю своей жизни в назидание детям; для этой «семейной хроники» Пушкин воспользовался своими историческими исследованиями по истории Пугачевского бунта и воссоздал интимный и безыскусный стиль мемуаров и писем людей XVIII века. Век Екатерины, помещичьи усадьбы ее времени, патриархальный быт степной Белогорской

крепости, народные волнения, живописная фигура разбойника Угачева, жестокого и великодушного, а на дальнем плане – величественный образ «матушки-государыни», «в белом утреннем платье, в ночном чепце в душегрейке», гуляющей над озером в Царскосельском парке, – оживают перед нами и навсегда остаются в памяти. Кроткая Мария Ивановна, ее отец капитан Миронов и мать Василиса Егоровна изображены с добродушным юмором и самой нежной любовью. Нас волнуют злоключения бедного Гринева, принужденного пировать с Пугачевым и несправедливо обвиненного в измене, возмущают козни его соперника – злодея Швабрина, умиляет героическая защита крепости от мятежников и поездка Марии Ивановны в Петербург к царице, радует счастливая развязка романа – соединение любящих. Пушкин создал традицию семейного русского романа на фоне большой исторической картины; Толстой завершил ее в «Войне и мире».

После женитьбы Пушкин некоторое время казался спокойным и счастливым, но вскоре жизнь его стала еще труднее и мучительнее, чем прежде. Наталья Николаевна была молода и легкомысленна; она хотела блистать своей красотой и танцевать на придворных балах. Пушкину поневоле приходилось вести рассеянную жизнь, запутываться в долгах и играть в свете унизительную роль «сочинителя», которого «светская чернь» терпела ради красавицы-жены. У него не было досуга писать; надзор Бенкендорфа становился все придирчивей; даже частная переписка поэта вскрывается и прочитывается агентами III отделения. Самые зрелые его произведения встречают холодный прием у публики: по выходе в свет «Бориса Годунова» критики жалуются на падение его таланта.

Ни в свете, ни в семье, ни в литературе Пушкин не находит себе места: он чувствует свое полное одиночество, видит вокруг себя злобу, Непонимание, зависть, насмешки. Ему хочется уехать в деревню» погрузиться в работу, забыться и отдохнуть. Незадолго до смерти он посвящает жене стихотворение:

*Пора, мой друг, пора!
Покоя сердце просит,
Летят за днями дни, и каждый день уносит
Частицу бытия, и мы с тобой вдвоем
Располагаем жить.
И глядь – все прах: умрем!
На свете счастья нет, а есть покои и воля.
Давно завидная мечтается мне доля,
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.*

Но поэт не мог бежать: петля, душившая его, затягивалась все уже, и трагическая развязка приближалась. В петербургском свете блистал молодой гвардейский офицер барон Дантес, француз родом, приемный сын голландского посланника Геккерена. Он влюбился в жену Пушкина и открыто преследовал ее своими ухаживаниями. Тщеславная и ветреная Наталья Николаевна кокетничала с ним и подавала повод к оскорбительным для поэта толкам и сплетням. Пушкин жаждал выхода из невыносимого для него положения, может быть, он сознательно искал смерти. 27 января 1837 года состоялась Дуэль между ним и Дантесом; Пушкин был смертельно ранен и через два дня скончался в жестоких мучениях.

* * *

Пушкин воспитался на скептическом вольнодумстве XVIII века, в молодости он считал себя «чистым атеистом» и писал кощунственные стихи о Божьей Матери. Но если ум его был «взволнован сомнением», сердце его всегда было открыто Богу. Можно считая себя неверующим, быть глубоко религиозным человеком. Таким был Пушкин. В своем высоком призвании поэта, в своем благоговейном служении красоте он чувствовал себя Божьим избранником, «сыном небес», пророком. В гениальном стихотворении «Пророк» изображается мистический опыт грешного и слабого человека, которого «шестикрылый серафим» превращает во вдохновенного пророка.

ПРОРОК

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он;
Отверзлись вещице зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он –
И их наполнил шум и звон,
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи*

*В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
Я он мне грудь рассек мечом,
Я сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
Я Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!»*

Торжественным языком, насыщенным церковнославянизмами, в величественных библейских образах-символах Пушкин описывает таинственное событие внутренней жизни: рождение духовного человека.

В последние годы религиозные мотивы звучат все громче в его творчестве. В русской литературе нет более совершенного образца религиозной поэзии, чем пушкинский пересказ великопостной молитвы Ефрема Сирина:

*Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как ты, которую священник повторяет
Во дни печальные великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста –
И падшего свежит неведомою силой:
«Владыко дней моих! Дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей;*

*Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья
Да брат мои от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи».*

Какое простое и суровое величие в этой медленной и широкой мелодии! Предел поэзии – молитва прообраз художественного слова – божественный Логос. В стихах Пушкина совершается чудо воплощения слова. Незадолго до смерти поэт записал: «О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню – поля, сад, крестьяне, книги, труды поэтические, семья, любовь и т. д. – религия, смерть».

Он умер примиренный с Богом, после исповеди и причастия.

* * *

Пушкин – величайший гений России; он основатель нашей национальной литературы, которой в конце XIX века суждено было стать мировой, – все это давно стало бесспорной истиной. Но Пушкин более этого: он наше «солнце», лучи которого освещают и согревают каждое русское сердце. Он «наше все», как сказал Достоевский. Он входит в жизнь каждого из нас, как самый близкий, самый любимый друг. Именно в любви, которую он излучает из себя и возбуждает в нас, тайна его гения и залог бессмертия. Мы учимся у него, восхищаемся им» но прежде всего и больше всего мы любим его. Это чувство выразил Тютчев в двух простых строчках:

*Тебя, как первую любовь,
России сердце не забудет!*

ЛЕРМОНТОВ

(1814–1841)

Михаил Юрьевич Лермонтов происходил из шотландского рыцарского рода; предок его Георг Лермонт перешел на службу московскому царю в начале XVII века. Сохранилась поэтическая легенда о шотландском барде Томасе Лермонте, который был унесен в царство фей и получил дар вещей песен. О нем рассказывает Вальтер Скотт в балладе «Томас-певец». Русский род Лермонтовых скоро обеднел. Отец поэта, отставной капитан, женился на богатой и знатной Марии Михайловне Арсеньевой, мать которой, урожденная Столыпина, гордилась своим аристократизмом и презирала бедного зятя. Она заставила молодых поселиться в ее имении барханах и деспотически вмешивалась в их жизнь.

Лермонтов родился в Москве в 1814 году; мать его, «тихая, бледная барыня», как называли ее крестьяне, нелюбимая мужем и запуганная матерью, умерла от чахотки, когда сыну ее не было еще трех лет. О ней запомнил он только одно: ее печальную песню... «Когда я был трех лет, – писал он, то была песня, от которой я плакал... Ее певала мне покойная мать». После смерти жены отец Лермонтова уехал в свое маленькое имение и потребовал сына к себе. Бабушка, перенесшая ревнивую любовь с дочери на внука, не в силах была с ним

расстаться. Началась борьба за ребенка между отцом и бабушкой, сыгравшая роковую роль в судьбе поэта.

Мальчик рос в богатом поместье Арсеньевой – Тарханах, окруженный няньками, воспитателями, гувернерами; он чувствовал себя маленьким царьком, его капризы были для всех законом. В незаконченной повести Лермонтов описывает детство Саши Арбенина – свое собственное детство. «Зимой горничные приходили шить и вязать в детскую, чтобы потешать молодого барчонка. Они его ласкали и целовали наперерыв, рассказывали ему сказки про волжских разбойников, и его воображение наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными. Он разлюбил игрушки и начал мечтать... Саша был преизбалованный, пресвоевольный ребенок. Природная всем склонность к разрушению развивалась в нем необыкновенно. Он с истинным удовольствием давил несчастную муху и радовался, когда брошенный им камень сбивал с ног бедную курицу». Потом он опасно заболел и едва не умер; за время болезни «он выучился думать».

В этом автопортрете отмечены все славные черты поэта: непомерное развитие чувства личности, городов своеволие, мечтательность, жестокость и острый ум.

Слабого здоровьем ребенка бабушка три раза возила на Кавказские минеральные воды.

Синие горы Кавказа поразили воображение мальчика и на всю жизнь стали для него «священны». Воспоминание о них было связано с первой детской любовью, болезненной и страстной. Ему было десять лет, когда он влюбился в какую-то белокурую, синеглазую девочку и записал в дневнике: «О, эта загадка, этот потерянный рай – до могилы будут терзать мой ум!

Иногда мне странно, и я готов смеяться над этой страстью, но чаще – плакать».

В 1828 году Лермонтов поступает в Московский университетский пансион и увлекается поэзией. Воспитанники издают рукописные журналы, в которых он помещает свои первые стихи. Он свободно читает по-английски; величайшим событием его духовной жизни было знакомство с лордом Байроном. Таинственное сродство душ соединяет их; действие Байрона на юношу Лермонтова – не только «литературное влияние», оно было глубже и значительней: в личности гордого английского поэта потомок шотландского барда узнал самого себя, понял загадку своей судьбы и осознал свой поэтический гений.

В университете Лермонтов презирал «допотопных» профессоров; на лекциях «подпершись локтем, читал с напряженным вниманием, не слушая преподавания профессора», держался замкнуто и смотрел с пренебрежением на товарищей-студентов. Стихи этого времени свидетельствуют о большом напряжении его внутренней жизни: все содержание будущих произведений уже складывается в его юношеских стихах. Начинает он с ученических подражаний Пушкину («Черкесы», «Кавказский пленник», «Корсар»), и первые его поэмы «Аул Бастунджи», «Измаил-бей», «Каллы», «Хаджи Абрек» написаны в байроновском романтическом стиле: бурной страсти, роковые преступления, загадочные и мрачные герои в сложном и эффектном сплетении представлены на фоне величественной и грозной природы Кавказа. Весь человеческий мир, ничтожный и жалкий, возбуждает в гордом поэте негодование и презрение: он чувствует себя особенным непохожим на других, отмеченным печатью избранничества и обреченности.

Его бунт против общества происходит во имя величия «гения»; преклоняясь перед героями – Наполеоном, Байроном и полководцами двенадцатого года, поэт «печально смотрит» на свое поколение, холодное сердцем и постыдно равнодушное к добру и злу.

Уйдя из университета вследствие «истории» с одним профессором, Лермонтов поступает в школу гвардейских прапорщиков, в которой, по словам его товарища Шан-Гирея, «царствовал дух какого-то разгула, кутежа, бамбошерства». Лермонтов, как будто мстя себе за свои юношеские мечтанья, бросился в омут этой распутной и грязной жизни. Его «юнкерские стихи», воспевающие похождения золотой молодежи, полны грубого, нарочитого цинизма. Они талантливы и отвратительны. Лермонтов пишет Лопухиной: «Пора моих мечтаний миновала; нет больше веры; мне нужны материальные наслаждения, счастье осязательное, которое можно купить за золото».

Развратная, разудалая жизнь была для него попыткой заглушить тоску, «оставить в покое и бездействии душу». Она была надломом и вызовом судьбе, бурным припадком той стихии разрушения, которая жила в нем с детских лет. Но после угара гвардейских попок и оргий скоро наступило отрезвление. В 1834 году, произведенный в офицеры» он с радостью восклицает: «Двух страшных годов как будто не бывало».

Начинается период блестящей светской жизни, однообразно-пышной и утомительно пестрой. «И тьмой и холодом объята душа усталая моя», – пишет он в стихотворении 1836 года. Он ждет освобождения и сознает свое бессилие «начать другую жизнь». В 1837 году умирает Пушкин; Лермонтов пишет свое знаменитое стихотворение «На смерть Пушкина», полное благоговейной

любви к великому поэту и негодующего обличения его врагов:

*А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправише обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, гения и славы палачи!*

Поэт взывает к Божьему суду, грозному и нелицеприятному, и заканчивает словами:

*И вы не смаете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!*

Стихи Лермонтова распространялись в Петербурге во множестве списков; дело дошло до Николая I, и автор был переведен на службу на Кавказ.

Сам поэт странствовал, одетый по-черкесски, с ружьем на плечах, отстреливался от лезгин, взбирался на Крестовую гору и лечился на минеральных водах.

Здесь он задумал роман «Герой нашего времени», поэму «Мцыри» и написал стихотворение «Бородино». Ссылка на Кавказ явилась тем освобождением, о котором он так мечтал. Для Лермонтова началась «новая жизнь», полная творческой сосредоточенности и поэтического вдохновения. Между тем бабушка хлопотала о возвращении внука, и через полгода он снова в Петербурге. «Большой свет» встречает его приветливо. «Весь народ, – пишет он, – который я оскорблял в стихах моих, осыпает меня ласкательствами, самые хорошенькие женщины просят у меня стихов и хвастаются ими, как триумфом». Но он по-прежнему чувствует себя страшно одиноким: его тоска еще усиливается

от встречи с Варенькой Лопухиной, которую он любит с детства и которая по воле родителей вышла за другого.

Между тем литературная его известность быстро растет. В 1840 году выходит в свет «Герой нашего времени» и вскоре, в том же году, первый сборник стихотворений. Имя молодого поэта окружено славой. Критика почти единодушно признает его прямым наследником Пушкина.

В 1840 году на Лермонтова обрушивается новое несчастье: за дуэль с сыном французского посланника Баранта его снова высылают на Кавказ. Поселившись в Пятигорске, он встретился там со своим старым товарищем по юнкерской школе Мартыновым, человеком ограниченным и заносчивым, одевавшимся почеркесски и носившим на поясе длинный кинжал. Лермонтов подшучивал над ним, рисовал на него карикатуры и называл «*Montagnara au grand poignard*». Возбешенный Мартынов вызвал его на дуэль. Лермонтов был убит 15 июля 1841 года. Если вспомнить, что Лермонтов умер в 27 лет и если сравнить его юношеские опыты с произведениями зрелого периода, нельзя не поразиться стремительным ростом его поэтического таланта. После слабых поэм вроде «Измаила-бея» и «Боярина Орши» он через несколько лет создает такие шедевры как «Мцыри», «Песнь о купце Калашникове» и «Демон».

После ученических подражаний, перепевов с чужого голоса и экспериментов над стихом – почти внезапный расцвет и сразу достигнутое совершенство. Было бы нетрудно показать многочисленные литературные влияния, которые он испытывал: тут Байрон, Шиллер, Пушкин, Жуковский, Козлов и многие другие. Но нас интересует в его творчестве не те элементы, которые свойственны всей романтической школе, всему «русскому

байронизму»; нам хочется определить его собственный голос, его единственное неповторимое своеобразие.

Лермонтов редко касается религиозных тем и вполне равнодушен к догматическому богословию, а между тем вся лирика его движется подлинным, религиозным вдохновением. Ум его, скептический, охлажденный, сомневающийся, – в разладе с сердцем, всегда горящим тоской по Богу и жаждой искупления темной и грешной земли. Душа его «по природе христианка», в ней живет видение потерянного рая, чувство вины и томление по иному, просветленному миру. Его романтическое мироощущение основано на чувстве грехопадения и стремлении к «небесной отчизне». В таинственно-прекрасном стихотворении «Ангел» поэт создает поэтический миф о своей душе.

АНГЕЛ

*По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
Я месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез.
И звук его песни в душе молодой
Остался без слов, но живой.
И долго на свете томилась она
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

Душа – жилища двух миров; она не может забыть блаженства райских садов, в ней звучит отголосок ангельской песни; и, попав в мир слез, она вечно томится «чудным желаньем», чувствует себя бездомной странницей. Неудовлетворенность, покинутость, одиночество души, тоска по раю, смутная жажда полноты божественной жизни, неземная музыка, никогда не умолкающая, сладостная и тоскливая, и бесплодные попытки передать ее земными словами – такова мистическая основа поэзии Лермонтова. «Душа-христианка», не имеющая здесь, на земле, постоянного града и взыскующая града небесного, жалуется на свое пленение, на свое изгнание: она сидит, как падший Адам у ворот Эдема, и горько оплакивает свою судьбу. Образ странника, пленника, скитальца упорно повторяется в стихах поэта. То сравнивает он себя с одиноким парусом «в тумане моря голубом»:

*Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой;
А он, мятежный, ищет бури,
Как будто в бурях есть покой!*

то – с узником, тоскующим по свободе:

*Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.*

то – с небесными тучками, у которых нет ни родины, ни изгнания:

*Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною,*

*Мчитесь вы, будто как я же изгнанники,
С милого севера в сторону южную.*

то – с «утесом-великаном», на груди которого «ночевала тучка золотая»;

*...одиноко
Он стоит; задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.*

то с дубовым листиком, оторвавшимся от ветки и принесенным бурей к корню чинары, которая в гордой своей красоте презирует запыленного стран:

*Иди себе дальше, о странник! тебя я не знаю.
Я солнцем любима, цвету для него и блистаю.*

* * *

Печальна участь одинокой путницы-души, но еще более скорбной оказывается судьба поэта, одаренного вещим зрением, напоминающего людям о Царствии Божием В ответ на пушкинского «Пророка» Лермонтов написал стихотворение под тем же именем. Поэта-пророка люди побивают камнями; только природа почитает в нем избранника Божия:

*С тех пор, как Вечный Судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злости и порока.
Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья...*

В пустыне его слушают звезды, ему покорна «тварь земная», а в городах старики говорят детям:

*Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его.*

«Пустыня» ближе к Богу, чем грешные люди – природа блистает в своей непорочной красоте; ночью, на большой дороге поэт чувствует присутствие Божие, великую гармонию миров, беседу звезд между собой. Одно из лучших его стихотворений начинается следующими двумя строфами:

*Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
Я звезда с звездой говорит.
В небесах торжественно и чудно,
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?..*

Несчастливая любовь к Вареньке Лопухиной внушила поэту много стихотворений, то страстных, то гневно-скорбных, то покорно-ясных. Он пережил муки ревности, разочарование и даже ненависть к женщине, которую одну любил в жизни. Но злое ослепление страсти рассеялось, и в душе его осталась только печальная нежность. В изумительном стихотворении «Молитва странника» поэт молится перед образом Божией Матери:

*Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного,
Но я вручить хочу деву невинную,
Теплой Заступнице мира холодного.*

Он просит Святую Деву окружить ее счастьем, дать ее сердцу «мир упования» и заканчивает:

*Срок ли приблизиться часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную,
Ты воспринять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.*

В своей тоске и разочарованности Лермонтова и мгновения чистого умиления, минуты пламенного религиозного экстаза, знал благодатную силу молитвы.

*Есть сила благодатная
В созвучье слов живых.
И дышит непонятная
Святая прелесть в них.
(Молитва)*

* * *

Центральное место в поэтическом творчестве Лермонтова занимает поэма «Демон». Он задумал ее пятнадцатилетним мальчиком и работал над ней всю жизнь. Сохранилось пять редакций, но и последнюю нельзя считать окончательной; поэт так любил свое создание, что даже та ослепительно-нарядная одежда, в которой оно до нас дошло, не казалась ему достаточно пышной. Сюжет «Демона» характерен для романтической школы: бессмертный дух, влюбляющийся в смертную женщину, изображен в поэме Ламартина «Падение ангела»; ангел, из сострадания любящий демона, появляется в мистереии Альфреда де Виньи «Элоа»; падший дух, гордый и несчастный, выведен в поэме Байрона «Каин». Вообще образ могучего духа, восстающего против Бога и носящего на челе печать проклятия и отвержения, привлекал романтиков своим титаническим величием.

У Лермонтова «печальный демон, дух изгнания» летает над вершинами Кавказа. Мрачная и дикая

красота горного края обрамляет его гордый и зловещий образ. Но лермонтовский демон не похож на библейского сатану: он не любит зла, ибо нигде не встречает сопротивления. «И зло наскучило ему». Он тоскует по тем дням, когда «в жилище света блистал он, чистый херувим», тяготится своим могуществом, своим беспредельным одиночеством, своей бесплодной свободой:

*И все, что пред собой он видел,
Он презирал и ненавидел.*

На высоком утесе, на плоской крыше замка княжна Тамара среди игр и песен подруг ожидает жениха. Демон видит ее и

*...на мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг.
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук,
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты...*

Такое внезапное перерождение было бы невозможно без духа зла. Но лермонтовский демон под маской злого духа прячет вполне человеческое лицо разочарованного романтического героя. Он губит жениха у часовни в ущелье гор – и невесте, рыдающей над трупом, нашептывает влюбленные и страстные слова:

*Лишь только ночь своим покровом
Верхи Кавказа осенит,
Лишь только мир волшебным словом
Завороженный, замолчит...
К тебе я стану прилетать,
Гостить я буду до денницы*

*И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать.*

Тамара уходит в монастырь, надеясь, что голос соблаз-
нителя не проникнет в святую обитель. Но и в келье она
неотступно думает о нем...

*Святым захочет ли молиться,
А сердце молится ему.*

Демон находит ее и там. Его влечет любовь, он
«входит, любить готовый, с душой, открытой для добра». Он верит, что для него возможно обновление, что любовь чистой девушки спасет его. В большом лири-
ческом монологе демон исповедуется перед Тамарой
и умоляет ее:

*О выслушай – из сожаленья!
Меня добру и небесам
Ты возвратить могла бы словом.*

Он касается поцелуем ее губ, и в это мгновенье она
умирает. Ангел на золотых крыльях несет ее душу в рай;
демон, как шумный вихрь, взвивается из бездны и заяв-
ляет: «Она моя». Но ангел отвечает:

*Исчезни, мрачный дух сомненья!
Довольно ты торжествовал...
Она страдала и любила
И рай открылся для любви.*

Побежденный демон прокликает свои «безумные
мечты».

*И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упованья и любви.*

Образ Демона до конца остался неясным Лермонтову. Он подчеркивает искренность его любви, его обращения к «добру», его раскаянья, а вместе с тем дает понять, что его вдохновенные и пламенные речи были только соблазном и обманом. В волнах лирического потока образ падшего духа дробится и расплывается. Мы так и не знаем, к чему стремится демон: спасти себя любовью чистой девушки или погубить ее своими коварными соблазнами. И эта двойственность знаменательна: в самом поэте была борьба добра со злом, нераскаянной гордыни и жажды искупления.

В «Демоне» стих Лермонтова достигает такой образной и эмоциональной насыщенности, за которыми уже начинается декламация и риторика. И описания природы, и язык раскаленных страстей, и борьба идей необыкновенно напряжены. Как роскошная природа Грузии, поэма сверкает драгоценными камнями, звенит голосами птиц, благоухает ароматами южного полдня. Поэт без меры расточает свои поэтические сокровища; в русской литературе, пожалуй, нет стихотворения более пышного и живописного.

Из других поэм наиболее совершенна поэма «Мцыри», действие которой тоже происходит на Кавказе. Молодой черкес, взятый в плен русскими и попавший в монастырь, готовится к пострижению в монахи. И вдруг ночью, во время страшной бури он бежит; через три дня его находят в горах умирающего; перед смертью он рассказывает старому монаху свою жизнь. Для этой исповеди, лирического монолога, выдержанного в повышенно-эмоциональном тоне, и написана поэма. Мцыри (по-грузински – послушник) – сильная, страстная и мятежная натура. Он тяготится мирной и тихой жизнью, ищет воли бурной и опасной жизни,

пламенных страстей и роковой борьбы. Для него нет ничего слаще

*Дружбы краткой, но живой
Меж бурным сердцем и грозой.*

Три дня, проведенные на воле, среди диких ущелий и скал, в упоении силы и свободы, в «чудном мире тревог и битв», были его настоящей, счастливой жизнью.

В иной мир, в иную поэтическую атмосферу переносит нас «Песнь о купце Калашникове». Байронист Лермонтов, умевший говорить только о своем разочарованном уме и увядшем сердце, вдруг открыл в себе «русскую душу», проник в тайны народного искусства и создал совершенное произведение в народно-поэтическом духе. Купец Калашников, выходящий на кулачный бой на Москве-реке против царского любимца опричника Кирибеевича, оскорбителя его жены; царь Иван Грозный, казнящий купца за убийство своего верного слуги и обещающий «не оставить его своей милостью»; Разгульный и дерзкий опричник, платящий жизнью за преступную страсть к замужней женщине, – все эти образы, цельные, простые и выразительные, погружены в стихию народной песни-былины, в ее плавный ритм и широкий распев.

*Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской, белокаменной,
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучи серые разгоняючи,
Заря алая подымается...*

В романе «Герой нашего времени» русская повествовательная проза достигает высокого совершенства.

Новеллы Лермонтова по характеру своему прямо противоположны его стихам; поэтический стиль его, перегруженный чувствами, образами, красками, эффектными контрастами и риторическими фигурами, часто представляется нам неким «лирическим красноречием». Вместо певца мы нередко слышим оратора, проповедника, обличителя. Прозаический стиль, напротив, поражает своей «неукрашенностью»; он бескрасочен, точен и прост. Лермонтов в поэзии пользуется палитрой и широкими кистями; в прозе он довольствуется остро отточенным карандашом, тонкой иглой гравера. В поэзии – мазки, светотени, яркий и пестрый колорит; в прозе – строгий рисунок, безукоризненная правильность линий, легкая уверенность штриха. В поэзии все пламенеет, звенит и благоухает; в прозе холодок и воздушная прозрачность. Проза Лермонтова чиста, отчетлива и гибка. Как воздух, она обтекает предметы, подчеркивает их формы и пропорции, создает перспективы. Конечно, Лермонтов учился у Пушкина; но как чудесно преобразил он пушкинскую Манеру, смягчив ее строгую сухость и придав ей новое, необъяснимое очарование.

«Герой нашего времени» – повесть о Печорине, представителе целого поколения русских людей.

Он меньшей брат пушкинского Онегина, более сумрачный и менее добродушный. Онегин, несмотря на всю свою хандру и «остывшее сердце», все таки «добрый малый», «москвич в гарольдовом плаще» Он скучает и любит свою скуку, ропщет на жизнь, но в глубине души страстно ее любит. Не то Печорин; «болезнь века» (“*le mal du siecle*” Шатобриана) от одного поколения до другого развилась и углубилась; странный недуг неверия, сомнения, бессердечия поразил уже самые источники жизни. Онегин

еще просто «чудак», Печорин уже «нравственный калека». Онегин по легкомыслию молодости, из тщеславия и модной разочарованности отвергает Татьяну, из досады и боязни светского суда убивает на дуэли друга, но как он наказан! Как пылко влюбляется он в свою «бедную Таню», встретив ее в Петербурге, как терзается угрызениями совести, когда «окровавленная тень» Ленского является ему каждый день!

Печорин уже не знает ни возможности любви, ни способности к раскаянию. Его сердце окаменело, его острый, все разлагающий ум созерцает сам себя и парализует всякую попытку действия. «Из жизненной бури, – говорит он, – я вынес только несколько идей – и ни одного чувства. Я давно уже живу не сердцем, а головою. Я взвешиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия. Во мне два человека». Раздвоение, только намечившееся в Онегине, превратилось у Печорина в трагический разлад. Он созерцатель и экспериментатор. Самый жуткий, почти демонический его эксперимент над человеческим сердцем рассказан в повести «Княжна Мери». Встретив в Пятигорске молодую и прекрасную княжну Мери Лиговскую, Печорин ведет с ней сложную и коварную любовную игру, возбуждая в ней сначала ненависть, потом любопытство, ревность, жалость, привязанность и наконец глубокую любовь. Он действует как опытный режиссер театра жизни, держа в своих руках все нити интриги и назначая различным действующим лицам соответствующие им роли. Ему не нужно ни любви, ни уважения, ни счастья; с него довольно холодного сознания своей безграничной власти над душами. «Честолюбие есть не что иное, как жажда власти, – говорит он, – а первое

мое удовольствие – подчинять моей воле все, что меня окружает». Этот духовный деспотизм, ненасытная гордыня, питающаяся чужими страданиями, и расчетливая «игра в страсти» придают образу Печорина демонические черты. Он добивается у измученной княжны признания в любви; он ждал этой минуты, к ней и вел все действие придуманной им комедии. Это – минута его торжества. На любовное признание Мери он отвечает: «Я вас не люблю».

Параллельно с игрой в любовь к княжне Мери Печорин ведет другую любовную игру: встретив свою прежнюю возлюбленную, Веру, он со скуки возобновляет с ней связь, несмотря на то, что она уже замужем. Она приносит ему в жертву свое спокойствие, свою честь, быть может, жизнь. И уходит от него с сознанием, что жертва была бесплодной, что он никогда ее не любил.

В другом рассказе, входящем в состав «Героя нашего времени», «Бэла», Печорин похищает дочь кавказского князя, красавицу-дикарку Бэлу и увозит ее в крепость за Тереком. Бэла целомудренна и горда. Печорин ее не любит, но ему скучно, и сопротивление его забавляет. Как и с княжной Мери, так и с Бэлой он производит опыт: покорить себе это своевольное и чистое существо. Только средства его теперь проще: для победы над бедной дикаркой достаточно грубоватой ласки, угроз и подарков. Бэла завоевана: она любит страстно, забыв и честь, и родной аул, и вольную жизнь. Но опыт кончен, и Печорин ее бросает. К счастью, шальная пуля разбойника-горца сокращает ее погубленную жизнь. Добрый капитан Максим Максимович, под начальством которого служит Печорин, хотел его утешить; тот «поднял голову – и засмеялся». Максим Максимович прибавляет: «У меня мороз пробежал по коже».

Рассказ «Тамань» и «Фаталист» не прибавляют ничего нового к характеристике Печорина. В первом описывается его странное приключение с девушкой-контрабандисткой, завлекшей его в лодку и пытавшейся его утопить; во втором излагается история поручика Вулича, пожелавшего испытать на себе власть фатума: он стреляет в себя из пистолета, и тот дает осечку, но в ту же ночь пьяный казак на улице убивает его шашкой.

В образе Печорина русская «болезнь века» была раскрыта Лермонтовым во всей ее зловещей глубине. Сильная личность, властолюбивая и ледяная, волевая и бездеятельная, дошла до саморазложения. Весь путь был пройден. Романтический прекрасный демон был развенчан.

ГОГОЛЬ

(1809–1852)

Николай Васильевич Гоголь происходил из старинного малороссийского рода. Его прадед был священником; отец, автор веселых комедий, передал сыну свой юмор и литературную одаренность. Гоголь родился в Полтавской губернии в 1809 году. Его мать, Марья Ивановна, была женщина очень религиозная, суеверная и мнительная: всю свою жизнь прожила она в необъяснимых, мучительных тревогах. «Один раз, – пишет Гоголь матери, – я просил вас рассказать мне о Страшном Суде, и вы мне, Ребенку, так хорошо, так понятно, так трогательно рассказали о тех благах, которые ожидают людей За Добродетельную жизнь, и так разительно, так страшно описали вечные муки грешных, что это потрясло и разбудило во мне всю чувствительность, Это заронило и произвело впоследствии во мне самые высокие мысли». Гоголь не принадлежал к тем избранным, которые рождаются с любовью к Богу; вера должна была прийти к нему другим путем: не от любви, а от страха. Грозная картина Суда, нарисованная болезненным воображением матери, «потрясла» его. Он рос слабым, впечатлительным и неуравновешенным ребенком, испытывал припадки стихийного ужаса; с раннего детства боялся смерти и возмездия за гробом.

В 1821 году Гоголь поступает в нежинскую гимназию высших наук и проводит в ней семь лет. Учится он плохо и с товарищами не сходится. «Товарищи его любили, – пишет лицейский приятель Гоголя А. Данилевский, – но называли „таинственный карла“. Он относится к товарищам саркастически, любил посмеяться и давал прозвища». Гоголь чувствует себя романтическим героем и презирает «толпу»; он верит в свое великое призвание, в свое «служение», мечтает о славе, рвется в Петербург. Стоя на пороге новой жизни, он представляет себе «веселую комнату, окнами на Неву» и в гордых, торжественных словах сообщает матери о своем намерении: «Испытую свои силы для поднятия труда важного, благородного, на пользу отечества, для счастья граждан, для блага жизни себе подобных и, дотоле, нерешительный, неуверенный в себе, я вспыхиваю огнем гордого самосознания. Через год вступлю я на службу государственную».

В 1829 году Гоголь приезжает в Петербург. Столица встречает его неприветливо. Он поселяется не в «веселой комнате, окнами на Неву», а на четвертом этаже большого, мрачного дома. Он живет «как в пустыне», на него «нападает хандра». Неудачные поиски службы заставляют его вспомнить о поэме «Ганц Кюхельгартен», написанной им в Нежине. Он издает ее на последние деньги под псевдонимом Алова. После жестокой журнальной критики Гоголь отбирает у книгопродавцев все экземпляры и сжигает их. И тут первой мыслью оскорбленного автора было: бежать. Он уезжает в Любек, с удивлением видит себя в чужом городе, среди чужих людей, язык которых не понимает. Наступает отрезвление: беглец возвращается в Петербург, поступает на службу в департамент уделов, знакомится с литераторами и сотрудничает в журналах. В 1831 году выходит его сборник

«Вечера на хуторе близ Диканьки» и приносит ему внезапную славу.

Пушкин приветствует книгу Гоголя: «Вот истинная веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства и чопорности! и местами какая поэзия, какая чувствительность». Рассказы, написанные от лица добродушно-лукавого «пасечника Рудого Панька», очаровали читателей «живым описанием племени поющего и пляшущего» (слова Пушкина). Все смеялись, начиная с наборщиков, которые, завидя автора «Вечеров», «давай каждый фыркать и прыскать себе в руку, отворотившись к стенке» (письмо Гоголя к Пушкину).

Тоскуя в туманном Петербурге, Гоголь представлял себе свою солнечную Украину, ее поэтический быт, веселые игры, пестрые народные костюмы, ее шумные праздники, ярмарки, колядование на святках. В начале 30-х годов русская романтическая школа стремилась к народности, изучала сокровища народного творчества, былины, сказки, песни и поверья. Малороссия, открытая Гоголем, показалась читателям новым, волшебным миром, светлым, красочным, поющим.

Гоголь просил мать присылать ему подробные описания старинных костюмов, утвари, обрядов и сказаний. Он искренно хотел точно изобразить действительность, но вместо этого у него получилась поэтическая сказка о далекой стране, где все молодцы храбры и влюблены, девушки прекрасны задорны и нежны; где старые казаки, ленивые и беспечные, курят длинные трубки и хвастаются своими подвигами; где сварливые старухи художественно ругают мужей, притесняют падчериц и заводят шашни с нечистой силой.

В «Ночи перед Рождеством» деревенская красавица Солоха летает верхом на помеле, добродетельный

кузнец Вакула, чтобы угодить своей чернобровой Оксане, отправляется к царице за черевичками; черт, обжигая руки, крадет месяц, парубки и девушки поют и пляшут на снегу.

В «Сорочинской ярмарке» черт бродит по ярмарке, собирая куски своей красной свитки, Солоций Черевик воюет со злой жинкой; цыгане придумывают ловкую хитрость, чтобы помочь влюбленному Грицьку жениться на Параске, а из окошка выставляется страшная свиная рожа, которая поводит очами, как будто спрашивая: «А что вы тут делаете, добрые люди?»

Повести Гоголя были и веселы и страшны. Читатели, очарованные юмором Рудого Панька, не обратили внимания на его жуткую фантастику. Правда, в «Ночи перед Рождеством», «Сорочинской ярмарке», «Пропавшей грамоте», «Заколдованном месте» – чертовщина уморительная и «домашняя» – В «Майской ночи» и в «Вечере накануне Ивана Купала» – страшное уже преобладает над смешным. И наконец, в «Страшной мести» смех совсем замолкает. Независимо от народной традиции автор создает чудовищные образы Басаврюка и колдуна отца Катерины. Описание мертвецов, выходящих лунною ночью из могил на берегу Днепра, рассказ о схватке колдуна со всадником, сцена вызова души Катерины – самые сильные страницы в «Вечерах». Гоголя неотступно преследует мысль о вторжении демонических сил в жизнь людей, и на исход борьбы с ними он смотрит с безнадежностью. В этом он сознательно отступает от народной сказки с ее наивной верой в конечное торжество добра.

Успех «Вечеров» окрыляет Гоголя; он задумывает новые повести, хочет писать комедию, занимается историей Малороссии, мечтает о научной деятельности.

С помощью друзей ему удастся получить кафедру в университете: он читает вдохновенную вступительную лекцию о средних веках, но дальнейшие его лекции бессодержательны и вялы. У него нет достаточной научной подготовки, и слушатели его разбегаются. Самолюбивому Гоголю трудно примириться с этой неудачей. «Я расплевался с университетом, – пишет он Погодину, – и через месяц опять беззаботный казак. Незнанный я взошел на кафедру и незнанный схожу с нее. Но в эти полтора года – годы моего бесславия, потому что общее мнение говорит, что я не за свое дело взялся, – в эти полтора года я много вынес оттуда и прибавил в сокровищницу души». С лицейской скамьи он мечтал об «общественном служении», и ему горько было признаться в своей неспособности к научной и академической работе. Отныне он всецело посвящает себя литературе: в этом и будет теперь его «служение на благо человечества».

В 1835 году выходит два новых сборника «Арабески» и «Миргород».

Ощущение безнадежности и обреченности, которое просвечивало сквозь шумное веселье «Вечеров», в новых рассказах расширяется и углубляется. Гоголь видит мир во власти темных сил; он умеет «вызвать наружу все, что ежеминутно перед очами и чего не зрят равнодушные очи, всю страшную потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров».

В «Старосветских помещиках» автор изображает тихую, счастливую жизнь двух стариков-супругов Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны. Невольно вспоминается древняя легенда о любовной идиллии Филемона и Бавкиды. «Жизнь их так тиха, так

тиха, – пишет Гоголь, – что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желания и беспокойные порождения злого духа... совсем не существуют». Но как непрочны частоколы и плетни, ограждающие игрушечный рай стариков! Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна живут в невинности и блаженстве: низенький домик с протоптанной дорожкой от амбара до кухни, связки сушеных груш и яблок, висящие на заборе, жарко натопленные чистенькие комнатки с дверями, поющими на разные голоса; кладовые, полные всевозможных варений и солений, – таков уютный мирок старосветских помещиков. С умиленной любовью рассказывает автор об их прямодушии, простоте, скромности, гостеприимстве, об их трогательной взаимной любви. Но ни любовь, ни чистота не могут уберечь это незащищенное счастье. «Злой дух» проникает в их рай под видом тощей, одичавшей кошки; входит смерть и страдание. Для изображения темных сил Гоголь не нуждается более в чертах украинских сказок. Но куда страшнее мяуканье серенькой кошечки, предвещающей смерть, чем приплясывание черта, У которого «мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком».

Суверная Пульхерия Ивановна верит, что одичавшая кошечка приносит ей смерть. Она делает распоряжения, ложится в постель и умирает. Через пять лет Афанасий Иванович слышит зов умершей жены – и покорно умирает. Закрываешь книгу и думаешь: для чего жили эти добрые, любящие люди? В чем был смысл их жизни? Почему погибли они от какого-то нелепого суеверия? И вспоминаешь слова автора: «страшная, потрясающая тина мелочей, опутавших нашу жизнь».

В «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» перед нами снова замкнутый

мирок, «медвежий угол», в котором живут два друга-помещика. Гоголь как будто хочет сказать нам, что на земле дружба столь же случайна, бессмысленна и беспомощна, как и любовь. Долгие, спокойные годы прожили соседи в полном согласии. Они заменяли друг другу не только семью, но и весь мир. Иван Иванович витиевато рассказывал Ивану Никифоровичу политические новости, упреждал его в недостаточной тонкости обращения и любил пощеголять перед ним своим глубокомыслием; Иван Никифорович, ленивый и неуклюжий, с удовольствием ел дыни, прислушиваясь к красноречию своего друга; он добродушно трунил над его самолюбием и любил поражать его резкостью своих суждений. Все это повторялось изо дня в день, из года в год, как привычный образ жизни. Друзья Дополняли друг друга и были вполне счастливы.

И вот Ивану Ивановичу понравилось старое ружье Ивана Никифоровича, а Ивану Никифоровичу не захотелось уступить его Ивану Ивановичу. Они поспорили и один назвал другого «гусаком». Это довольно невинное слово показалось обиженному крайне оскорбительным, произошла ссора, потом многолетняя тяжба; любовь внезапно превратилась в ненависть, и бывшие друзья проявили отвратительную мелочность, злобу, коварство. Автор заканчивает свою повесть восклицанием: «Скучно на этом свете, господа!» Скучно от трясины провинциального города с его пошлостью, низменными интересами, злобными сплетнями; скучно от этой судебной волокиты, доносов, жалоб, взяток, интриг; скучно от поветового суда с сундуками, в которых хранятся кипы гербовой бумаги с ябедами и прошениями; скучно от «удивительной лжи», находящейся на главной площади Миргорода. Серая, убогая жизнь; серые,

пошлые души, страшный мир, раскрывающийся беспощадным и зорким глазам Гоголя.

В рассказе «Вий» бурсак-философ Хома Брут читает псалтырь над гробом панночки-ведьмы. Красота умершей поражает его паническим ужасом. Гоголь глубоко задумывается над загадкой красоты. В своей жизни он не знал любви к женщине и боялся этого чувства; ему казалось, что оно разрушит его душу. «Это пламя превратило бы меня в прах в одно мгновение», – писал он своему другу Данилевскому. Хома Брут гибнет от демонической силы красоты; мертвая красавица поднимается из гроба, злые духи врываются в церковь и приводят Вия – страшное чудовище с руками и ногами, засыпанными землей... У него железное лицо и веки, опущенные до самой земли. Он указывает железным пальцем на Хому, и тот, бездыханный, падает на землю.

В сборнике «Миргород» помещена большая историческая повесть «Тарас Бульба». Задумав обширный труд по истории Малороссии, Гоголь собирал документы, сказания и народные песни. Истории он не написал; вместо научного и объективного исследования создавалась вдохновенная лирическая поэма о славном прошлом Запорожской Сечи. «Тарас Бульба» – не спокойное повествование историка, а восторженный гимн героям, сражавшимся за веру и родину; прошлое казачества Гоголь видит сквозь призму украинских дум, которые он называет «звонкими, живыми летописями». Он не рассказывает, а поет; вот почему тон его повести такой напряженный, повышенный, почти риторический. Ритм прозы легко переходит в ритм стихотворной речи; образы, сравнения, эпические повторения текут ровным лирическим потоком; отважный, разгульный и жестокий Тарас и его сыновья, суровый, воинственный

Остап и романтически-влюбленный, пламенный Андрий, занимают первый план большой полу исторической, полусказочной картины. Их фигуры выше человеческого роста; это «лыцари» (рыцари), полные стийных сил и неукротимых страстей.

Тарас везет своих сыновей, только что вернувшихся домой из бурсы, в Запорожскую Сечь. Картины вольной и беспечной жизни казачества полны буйной удали. Андрий, влюбленный в полячку, проникает в осажденный казаками город и изменяет Родине; Тарас убивает его собственной рукой. Остап попадает в плен к полякам, и отец в толпе присутствует при его ужасной казни. Среди нечеловеческих мучений Остап кричит: «Батько! Где ты? Слышишь ли ты все это?» И Тарас, выдавая себя, отвечает: «Слышу!» Потом он свирепо мстит врагам за смерть сына; наконец, поляки захватывают его и сжигают на костре.

Молодецкие бои, отважные подвиги, героические события, напряженное и драматическое действие возвышенные чувства и пламенные страсти – все это придает поэме Гоголя романтическое очарование. Если прибавить к этому чудесные по своей поэзии описания южной природы, то станет понятно ее влияние на многие поколения русского юношества.

В повести «Тарас Бульба» Гоголь прощается со своей любимой Малороссией, ее славным прошлым, ее звонкими песнями. Жизнь в Петербурге и знакомство с чиновническим миром внушают ему иные сюжеты, другую литературную манеру. Он отказывается от пышного романтизма и пестрой нарядности своих юношеских повестей и старается точно описывать простую будничную действительность, незначительные мелочи убогой жизни петербургских чиновников.

В повести «Шинель» появляется мелкий, забытый и жалкий чиновник Акакий Акакиевич Башмачкин. Он так принижен, так запуган, так обижен судьбой, что, кроме механического переписывания бумаг, ничего не умеет делать. Говорит он больше местоимениями и междометиями, боится насмешливых сослуживцев и трепещет перед начальством. Он так смирен и безответен, что ему и в голову не приходит жаловаться на свою безотрадную жизнь или роптать на судьбу. Только изредка, когда молодые чиновники уж слишком издеваются над ним и мешают ему работать, он тихо произносит: «Оставьте меня! Зачем вы меня обижаете?» «И что-то странное заключалось в словах и в голосе, с каким они были произнесены. В нем слышалось что-то такое, преклоняющее на жалость, что один молодой человек, который по примеру других позволил было себе посмеяться над ним, вдруг остановился, как будто пронзенный, и с тех пор как будто все переменялось перед ним и показалось в другом виде. Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей, с которыми он познакомился, приняв их за приличных светских людей. И долго потом, среди самых веселых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысиной на лбу, с своими проникающими словами: „Оставьте меня! Зачем вы меня обижаете?“ И в этих проникающих словах звенели другие слова: „Я брат твой!“»

Эта изумительная страница меняет все наше отношение к Акакию Акакиевичу. Вдруг в этом тупом и смешном существе, в этом автомате для переписки бумаг мы видим скорбное человеческое лицо – и наш смех сменяется мучительной жалостью. Основатель «натуральной школы» Гоголь открыл для русской литературы новую область: мир «маленьких людей», незаметных

страдальцев, смиренных и кротких жертв социальной несправедливости, мир бедных, убогих, нищих духом, «униженных и оскорбленных». И после романтических героев, гордых личностей, презирающих толпу, бунтующих против общества, загадочных, разочарованных и упоенных собственным величием, «маленькие люди» показали живыми и близкими. Прозвенели слова Гоголя: «Я брат твой!» – и все последующие писатели, и Тургенев, и Достоевский, и Некрасов, и Толстой, горячо на них откликнулись. Русская литература прониклась состраданием к униженному и несчастному человеку, любовью к его страдающей душе, гуманным отношением к меньшим братьям. Вся она стала бороться за достоинство человека и за улучшение его горькой участи на нашей земле. Гуманизм и филантропизм русской литературы идет от Гоголя, и в этом его великая заслуга.

Акакий Акакиевич убеждается, что его старая шинель никуда не годится, и начинает по грошам копить деньги на покупку новой. Он отказывает себе в пище, ходит на цыпочках, боясь износить сапоги, дома сидит в одном белье, чтобы сохранить платье. Он живет как аскет и подвижник, и только мечта о новой шинели поддерживает его среди лишений. Наконец шинель приобретена. Товарищи приглашают его в гости, чтобы отпраздновать это радостное событие. На обратном пути домой воры снимают с него шинель. Он бежит по канцеляриям, жалуясь на кражу, начальство его «распекает» и топает ногами. Акакий Акакиевич заболевает с горя и вскоре умирает.

Так несложна и печальна история бедного чиновника. В каком душевном одиночестве, в какой заброшенности жил этот человек, если величайшим идеалом его,

прекраснейшей мечтой могла сделаться теплая ватная шинель! А ведь, несмотря на всю свою неразвитость и забытость, он был способен и на силу воли, и на героическое самоотречение во имя своей мечты. Его ли вина, если данные ему Богом силы были истрачены даром, если цель его была столь низменна? Не виноваты ли мы все, проходящие равнодушно мимо наших братьев, погруженные в холод и себялюбие?

В другой петербургской повести «Записки сумасшедшего» Гоголь изображает мелкого чиновника гг. Поприщина, который чинит перья в кабинете Его превосходительства. Он более развит и сознателен, чем бессловесный Акакий Акакиевич, и униженное положение больше его мучит. Душевная его драма усиливается от безнадежной любви к дочери директора; ум его не выдерживает, и он заболевает психически. Болезнь – мания величия – как бы вознаграждает его за все обиды самолюбия, которые ему пришлось перенести в жизни. Теперь уж он не жалкий чиновник Поприщин, над которым издеваются лакеи директора, а Фердинанд VIII, король испанский. С поразительной проницательностью анализирует Гоголь постепенное развитие душевной болезни своего героя: мы видим, как бредовые образы и идеи постепенно овладевают сознанием Поприщина, как борется с ними его изнемогающая душа, как беспощадно надвигается на нее мрак безумия. Нельзя без мучительной жалости читать жалобы сумасшедшего. «Нет, я более не имею сил терпеть. Боже! что они делают со мной! Они не внемлют, не видят, не слушают меня. Что я сделал им? За что они мучают меня? Чего хотят они от меня бедного. Что могу дать я им? Я ничего не имею... Матушка, пожалей о своем больном дитятке!.. А знаете ли, что у алжирского бея под самым носом шишка?»

7 октября 1835 года Гоголь просит Пушкина Дать ему сюжет для комедии. «Сделайте милость, Дайте сюжет: духом будет комедия из пяти актов и клянусь, – куда смешнее черта». Пушкин рассказывает ему анекдотец о мелком чиновнике, которого в глухом провинциальном городе принимают за важного ревизора, и 6 декабря Гоголь уже сообщает, что комедия готова. «Ревизор» был написан меньше чем в два месяца.

Интрига комедии очень несложна: она построена на традиционном приеме *qui pro quo*: одного человека принимают за другого, получается смешная путаница, недоразумение, забавные обманы и ошибки, наконец, все разъясняется появлением настоящего лица. В провинциальном городе, от которого «хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь», чиновники встревожены слухами о предстоящем приезде важного лица из Петербурга, которому поручено произвести ревизию. Городничий Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, человек крутого нрава, распоряжающийся городом как своей вотчиной, собирает на совещание чиновников: тут и судья Ляпкин-Тяпкин, «вольнодумец», берущий взятки борзыми щенками и никогда не заглядывающий в деловые бумаги, ибо «сам Соломон не разрешит, что в них правда и что неправда»; тут и попечитель богоугодных заведений Земляника, толстый, неповоротливый, но суетливый и пронырливый; в вверенной его заботам больнице лечение несложное: доктор-немец Христиан Иванович ни одного слова по-русски не понимает и придерживается мудрого правила: чем ближе к натуре, тем лучше. «Человек простой, если умрет, то и так и умрет, если выздоровеет, то и так выздоровеет»; тут и смотритель училищ Хлопов, очень опасющийся умных людей: «таков уж неизъяснимый закон

судеб, – говорит он, – что если преподаватель умный человек, то он или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси»; тут, наконец» и почтмейстер Шпекин, «простодушный до наивности человек», из крайней любознательности читающий чужие письма. Городские сплетники Бобчинский и Добчинский, коротенькие, с небольшими брюшками и чрезвычайно похожие друг на друга, прибегают и, запыхавшись, сообщают, что приехал ревизор: он живет в гостинице инкогнито. Чиновники в полном смятении отправляются к нему на поклон.

Мнимый ревизор Иван Александрович Хлестаков – мелкий петербургский чиновник, с «замечательной легкостью в мыслях». Он ехал к отцу в деревню, по дороге проигрался, задолжал, и хозяин в гостинице отказывается кормить его в кредит. Появление чиновников сначала пугает его, он думает, что его хотят посадить в тюрьму. Но, поняв, что его принимают за какое-то важное лицо, он легко осваивается с новым положением, лжет, хвастается, увлекается собственными выдумками; переселившись в дом городничего, разыгрывает светского льва, волочится одновременно за женой и дочкой Дмухановского, у всех чиновников берет деньги «взаймы», вкусно ест, много пьет и вообще наслаждается своим неожиданным приключением.

После его отъезда в руки почтмейстера попадает его письмо к приятелю, и тот читает его вслух всем чиновникам. Хлестаков издевается над одураченными им «отцами города». Он пишет, что «городничий глуп, как сивый мерин», Земляника «совершенная свинья в ермолке», судья «в сильнейшей степени моветон», смотритель училищ «протухнул насквозь луком». Чиновники не успели еще прийти в себя от потрясения,

как в дверях появляется жандарм и провозглашает: «Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сейчас же к себе». Происходит «немая сцена»: все замирают. «Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение».

Комедия Гоголя и в наше время не потеряла своей комической силы. Остроумные характеристики действующих лиц, забавные положения, меткий и выразительный язык, живое и искусно построенное действие, сатирическое изображение убогого провинциального быта не потускнели за 100 лет прошедших со дня ее написания. По справедливости ее можно считать лучшей русской комедией.

* * *

19 апреля 1836 года «Ревизор» был представлен на петербургской сцене. Гоголь обиделся на критику и жаловался, что против него «восстали все сословия». Быть может, он надеялся, что его комедия произведет какое-то немедленное и решительное действие: Россия увидит в зеркале пьесы свои грехи и вся, как один человек, зальется покаянными слезами и мгновенно переродится. Но ничего подобного не произошло; были восторги и осуждения, были толки вкривь и вкось, и это все. Разочарование вызывает в авторе душевный перелом, и он уезжает за границу, чувствуя себя пророком, не признанным в отечестве. «Пора, пора наконец заняться делом», – пишет он Жуковскому. Это дело – писание поэмы «Мертвые души».

Гоголь полон веры и вдохновения. «Какой огромный, какой оригинальный сюжет, – восклицает он. – Вся Русь явится в нем! Огромно-велико мое творение, и не скоро конец его». Вся Россия должна отразиться в его поэме...

«Весь русский человек, со всем разнообразием богатств и даров, доставшихся на его долю, преимущественно перед другими нахалами и совсем множеством тех недостатков, которые находятся в нем, также преимущественно перед другими народами».

Душевный перелом в Гоголе был действительно велик: за границей, вдали от России, у него родилось сознание, что он национальный русский писатель. С 1837 года начинается «римская эпоха» его жизни, история все большей его влюбленности в Италию, все большего погружения в стихию чистой красоты. В Риме он полон жизнерадостности и вдохновения. «Я весел, – пишет он Жуковскому, – душа моя светла. Тружусь и спешу всеми силами совершить труд мой». Но счастливая трехлетняя жизнь за границей завершается припадком странной нервной болезни. Гоголю кажется, что он умирает: он верит, что Господь чудом спасает его от смерти, что он – избранник, отмеченный особой заботой Промысла, проповедник и пророк. Тон его писем к друзьям резко меняется, становится по-церковному торжественным. Он пишет Данилевскому: «Властью высшею облечено отныне мое слово».

В 1841 году Гоголь приезжает в Россию печатать первый том «Мертвых душ». На родине ему тяжело. «Меня томит и душит все, и самый воздух», – говорит он. Летом 1842 года он снова покидает Россию, на этот раз на целых шесть лет. В конце этого же года он подготавливает к печати полное собрание своих сочинений. Этой датой замыкается последний литературный период его жизни. Остальные десять лет он медленно и неуклонно уходит от литературы.

В «Авторской исповеди» Гоголь сообщает, что Пушкин советовал ему написать большой роман и дал сюжет:

какой-то ловкий проходимец скупает крепостных, уже умерших, но по бумагам числящихся еще живыми; затем закладывает их в ломбард и таким способом приобретает крупный капитал. Гоголь начинал писать без определенного плана увлекшись возможностью постранствовать со своим героем по всей России, изобразить множество забавных лиц и смешных явлений.

Первоначально «Мертвые души» представлялись ему романом приключений вроде «Дон Кихота» Сервантеса или «Жиль Блаза» Лесажа. Но под влиянием духовного перелома, происшедшего в нем во время работы над этим произведением, характер романа постепенно стал меняться. Из авантюрной повести «Мертвые души» превращаются в громадную поэму в трех томах, в русскую «Божественную комедию», первая часть которой должна соответствовать «Аду», вторая – «Чистилищу» и третья – «Раю». Сначала – темные явления русской жизни, пошлые, тупые, порочные «мертвые души»; потом постепенное наступление рассвета: в отрывках незаконченного второго тома встречаются уже лица «добродетельные»: идеальный хозяин Костанжогло, идеальная девушка Уленька, мудрый старец Муразов, проповедующий о «благоустройстве душевного имущества»; наконец, в задуманном, но не написанном третьем томе – полное торжество света.

Гоголь пламенно верил в духовную красоту России, в нравственные сокровища русского народа – и его терзали упреки критиков, утверждавших, что он способен изображать только низменное и уродливое. Как жаждал он возвеличить свою родину. Но трагедия его заключалась в том, что ему бы дан великий сатирический талант, гениальное умение подмечать все смешное и пошлое в жизни и полная неспособность создавать

«идеальные образы» – А между тем он смотрел на свой труд как на религиозно-общественное служение, хотел не развлекать и смешить читателя, а поучать его и обращать к Богу. От этого внутреннего конфликта Гоголь погиб, так и не закончив своей поэмы.

В первом томе «Мертвых душ» Павел Иванович Чичиков, человек весьма благопристойной наружности и отъявленный плут, приезжает в губернский городок, очаровывает губернатора, полицмейстера, прокурора и все губернское общество, встречается с самыми крупными помещиками и затем посещает их имения. Мы знакомимся с «типами» помещиков, изображенными так ярко, с такой жизненной силой, что фамилии их давно стали нарицательными. Сладкий до приторности Манилов, давший своим сыновьям имена Фемистоклюса и Алкида и умильно шепчущий жене: «Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек»; дубинноголовая, скаредная хозяйка Коробочка, смертельно перепуганная тем, что продешевила мертвые души; Ноздрев, молодец с румяными щеками и черными как смоль бакенбардами, кутила, враль, хвостун, шулер и скандалист, вечно что-то продающий, меняющий, покупающий; Собакевич, похожий «на средней величины медведя», прижимистый и хитрый, кулак-хозяин, выторговывающий гроши на каждой мертвой душе и подсовывающий Чичикову вместо мужика бабу «Елизавет Воробей»; скупец Плюшкин, в халате, похожем на женский капот, с четырьмя полами, болтающимся сзади, помещик, обкрадывающий собственных крестьян и живущий в каком-то складе пыльной рухляди; сам Чичиков, охваченный страстью наживы, совершающий мошенничества и подлости ради мечты о богатой жизни; его лакей Петрушка, носящий повсюду за собой

особый запах и читающий ради приятного процесса чтения, и кучер Селифан, философствующий в пьяном виде и горько укоряющий своих коварных лошадей. Все эти фигуры, неправдоподобные, почти карикатурные, полны своей собственной, жуткой жизни.

Фантазия Гоголя, создающая живых людей, мало считается с действительностью. У него особый «фантастический реализм», это – не правдоподобие, а полная убедительность и самостоятельность художественного вымысла. Было бы нелепо по «Мертвым душам» судить о николаевской России. Мир Гоголя управляется своими законами, и его маски кажутся живее настоящих людей.

Когда автор «Мертвых душ» читал первые главы поэмы Пушкину, тот сначала смеялся, потом «начал понемногу становиться все сумрачнее и сумрачнее, и наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: „Боже, как грустна наша Россия“». «Меня это изумило, – прибавляет Гоголь. – Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что все это – карикатура и моя собственная выдумка».

Первый том «Мертвых душ» заканчивается поспешным отъездом Чичикова из губернского города, благодаря Ноздреву и Коробочке там распространяются слухи о его покупке мертвых душ. Город охвачен вихрем сплетен. Чичикова считают разбойником, шпионом, капитаном Копейкиным и даже Наполеоном.

В сохранившихся главах второго тома странствия Чичикова продолжают появляться новь «типы»: толстяк-обжора Петр Петрович Петух, бравый вояка генерал Бетрищев, ленивый и мечтательный «байбак» и «коптителъ неба» Тентетников. Юмор автора заметно ослабевает, творческие силы его убывают. Художника

часто заслоняет моралист-проповедник. Неудовлетворенный своим трудом, Гоголь перед смертью сжег второй том.

Словесная ткань «Мертвых душ» необычайно сложна. Гоголь издевается над романтическими «красотами слога» и стремится к точности и детальной записи действительных фактов. Он пересчитывает все пуговицы на платье своих героев, все прыщики на их лицах. Ничего не пропустит он – ни одного жеста, ни одной гримасы, ни одного подмигивания или покашливания. В этой нарочитой торжественности изображения мелочей, в этом пафосе возвеличения ничтожества – его беспощадная ирония. Гоголь уничтожает своих героев смехом: Чичиков надевает свой фрак «брусничного цвета с искрой» – и клеймо пошлости уже навсегда ложится на его образ. Ирония и «натуральная живопись» превращают людей в манекены, вечно повторяющие все те же механические жесты; жизнь Умерщвлена и разъята на бесчисленное множество бессмысленных мелочей. Воистину страшное царство «мертвых душ»!

И вот внезапно, неожиданно в этот затхлый и душный мир влетает свежий ветер. Насмешливый прозаик уступает место восторженному поэту; прерывается педантически-подробное описание пошлых лиц и убогих вещей и разливается поток вдохновенной лирики. Автор умиленно вспоминает свою юность, взволнованно говорит о великом назначении писателя и с исступленной любовью простирает руки к родине. На фоне холодной насмешки и злой сатиры эти лирические взлеты поражают своей огненной поэзией.

Чичиков в своей бричке выехал из города NN, тоскливо и уныло потянулись по сторонам дороги «версты, станционные смотрители, колодцы, обозы серые

деревни с самоварами, городишки, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядные...». Перечисление это напоминает не столько описание пейзажа, сколько инвентарь какой-то убогой рухляди... и вдруг Гоголь обращается к России:

«Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу!.. Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря и до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу, и вьются около моего сердца? Русь! Чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?.. И еще полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль перед твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи... у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..»

1845 – самый трагический в жизни Гоголя: вдохновение его покидает, работа над «Мертвыми душами» превращается в чудовищную пытку, кончающуюся

нервными припадками. В отчаянии решает он, что призвание его – не литература, а религиозно-нравственная проповедь. Он издает сборник статей «Выбранные места из переписки с друзьями». Их духовно-общественное значение не было понято современниками, и на Гоголя обрушились и враги и друзья. А между тем в «Переписке» были им намечены все черты, характеризующие великую русскую литературу, ставшую мировой: ее религиозно-нравственный строй, ее гражданственность и общественность, ее боевой и практический характер, ее пророческий пафос и мессианство. От Гоголя все «глубины» нашей словесности: и учение Толстого, и проблемы Достоевского, и искания Розанова, и религиозное возрождение начала XX века.

Перед русским сознанием Гоголь поставил вопрос религиозного оправдания культуры. «Мне ставят в вину, – пишет он, – что я заговорил о Боге. Что же делать, если говорится о Боге? Как молчать, когда камни готовы завопить о Боге?» Провал «Переписки» истолковывается автором как личный грех: он томится чувством богооставленности; идет в Святую Землю, чтобы замолить свои грехи и грехи России. Но и у Гроба Господня сердце его остается черствым. Он просит мать молиться о нем «Напоминаю вам об этом потому, что теперь более чем когда-либо чувствую бессилие моей молитвы»

В ночь на 12 февраля 1852 года Гоголь сжигает подготовленный к печати второй том «Мертвых душ». По словам Погодина, «придя в комнату, он велел подать из шкафа портфель, вынул оттуда связку тетрадей, перевязанных тесемкой, положил их в печь и зажег их свечой из своих рук. После того, как обгорели углы у тетрадей, он заметил это, вынул связку из печи, развязал

тесемку и, уложив листы так, чтобы легче было приняться огню, зажег опять и сел на стул перед огнем, ожидая, пока все сгорит и истлеет. Тогда он, перекурив, воротился в прежнюю свою комнату, лег на диван и заплакал».

В понедельник на второй неделе поста он причастился и пособоровался маслом. Выслушал все Евангелия, держа в руках свечу, проливая слезы. Во вторник ему как будто сделалось легче, но в среду обнаружили припадки жестокой нервической горячки, а утром в четверг 21 февраля его не стало.

ДОСТОЕВСКИЙ

(1821–1881)

Отец Федора Михайловича Достоевского происходил из средней шляхетской фамилии Волынского края; он был штаб-лекарем в Мариинской больнице в Москве. Здесь, в бедной квартирке, окна которой выходили на унылый двор больницы, 20 октября 1821 года родился Федор. Семья была патриархальная и набожная. Мать, женщина кроткая и болезненная, учила мальчика азбуке по книжке с картинками: «Священная история Ветхого и Нового Завета». По воскресеньям всей семьей ходили в Церковь, летом паломничали в Троице-Сергиеву лавру; ребенок запомнил старинные фрески, длинные торжественные службы, сладкогласное пение. Мать научила его молитве: «Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия», – и она на всю жизнь осталась его любимой молитвой.

В детстве Федор был «настоящий огонь»: у него была страстная, порывистая натура, сильно развитое воображение, болезненная впечатлительность. Он рано пристрастился к чтению, зачитывался Вальтером Скоттом и воображал себя то рыцарем, то разбойником; Пушкина знал наизусть, увлекался Карамзиным, Жуковским, русской историей, арабскими сказками. В 1837 году, в год смерти Пушкина, умерла его мать. Достоевский впоследствии говорил: «Если бы

у нас не было семейного траура я бы просил позволение отца носить траур по Пушкине».

По окончании частного пансиона Чермака отец отвез Федора и его старшего брата в Петербург и определил в военно-инженерное училище. Математические науки были ненавистны молодому мечтателю, учился он посредственно и все свободное от занятий время отдавал литературе; обливаясь слезами восторга, читал Шиллера, проводил бессонные ночи над романами Жорж Санд. С товарищами не сходилась, был молчалив и угрюм, не играл и не танцевал. Во время рекреаций прогуливался в стороне от всех, «всегда с понуренной головою и с сложенными назад руками». По ночам, когда все спали, тайком вставал с постели и в одном белье, прикрывшись одеялом, работал в глубокой амбразуре окна, выходившего на Фонтанку. Один товарищ так описывает его: «Светло-каштановые волосы были коротко обстрижены, под высоким лбом и редкими бровями скрывались небольшие, довольно глубоко лежащие, серые глаза; щеки были бледны, с веснушками; цвет лица болезненный, землистый губы толстоваты... Он любил поэзию страстно. Мысли в его голове родились подобно брызгам в водовороте».

В 1843 году, окончив училище, Достоевский поступает на службу в инженерный корпус, пишет романтические драмы в духе Шиллера («Мария Стюарт», «Борис Годунов») и томится по свободе и независимости. Он чувствует свое призвание и пишет брату: «Как грустна бывает жизнь, когда человек, сознавая в себе силы необъятные, видит, что они истрачены в деятельности ложной и неестественной».

Через год ему удастся выйти в отставку; литературные планы кипят в его голове: он хочет основать

издательство, перевести вместе с братом всего Шиллера; его кумиры – Гоголь и Бальзак. «Бальзак велик! – пишет он брату. – Его характеры – произведения ума вселенной!» Первая литературная работа Достоевского – перевод романа Бальзака «Евгения Гранде». Французский писатель поразила его своим реализмом, широкой картиной жизни современного общества во всех его сложных противоречиях, своими социальными явлениями, проповедью любви к «униженным и оскорбленным».

Знакомство с Бальзаком было решающим для творчества Достоевского. Он отказывается от своих романтических опытов и начинает писать роман. Это тоже история несчастной девушки, как и «Евгения Гранде»; но влияние Бальзака сплетается с влиянием Гоголя – и из соединения этих двух литературных линий возникает первая повесть Достоевского «Бедные люди». Начинающий писатель Григорович, приятель Достоевского, относит рукопись Редактору журнала «Современник» поэту Некрасову. В «Дневнике писателя» автор вспоминает о счастливом начале своей писательской карьеры: «Вечером того же дня, как я отдал рукопись, я пошел куда-то далеко к одному из прежних товарищей; мы всю ночь проговорили с ним о „Мертвых душах“ и читали их в который раз не помню... Воротился я домой уже в четыре часа, в белую, светлую как днем петербургскую ночь. Стояло прекрасное теплое время и, войдя к себе в квартиру я спать не лег, отворил окно и сел у окна. Вдруг звонок, чрезвычайно меня удививший, и вот Григорович и Некрасов бросаются обнимать меня, в совершенном восторге и оба чуть сами не плачут. Они накануне вечером воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать... Когда они кончили то в один голос решили идти ко мне немедленно. „Что же такое,

что спит, мы разбудим его, это выше сна!“ Они пробыли у меня тогда с полчаса, в полчаса мы Бог знает сколько переговорили, с восклицаниями, торопясь: говорили и о поэзии, и о правде, разумеется, и о Гоголе».

В тот же день Некрасов снес рукопись знаменитому критику Белинскому. «Новый Гоголь явился!» – закричал Некрасов, входя к нему с «Бедными людьми». «У вас Гоголи-то как грибы растут», – строго заметил ему Белинский, но рукопись взял.

На следующий день Достоевский отправляется к Белинскому, и тот встречает его словами: «Да вы понимаете сами-то, что вы такое написали!.. Вам правда открыта и возвещена как художнику, досталась как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным, и будете великим писателем!» И Достоевский прибавляет:

«Я вышел от него в упоении. Я остановился на углу его дома, смотрел на небо, на светлый день, на проходивших людей и весь, всем существом своим ощущал, что в жизни моей произошел торжественный момент, перелом навеки, что началось что-то совсем новое... И никогда потом не мог я забыть эту минуту. То была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я в каторге, вспоминая ее укреплялся духом»... В эту минуту произошло рождение великого гения.

Повесть «Бедные люди» (1846) – творческий ответ Достоевского на «Шинель» Гоголя. Начинаящий писатель живет еще в мире гоголевских идей, образов и приемов; но он задыхается в нем, ищет выхода из царства «Мертвых душ», из убийственной пошлости и мрачной безнадежности той жизни, которую видел Гоголь.

Герой «Бедных людей» – Макар Девушкин – такой же жалкий чиновник, как и Акакий Акакиевич Гоголя. Он тоже переписывает бумаги в канцелярии, над ним

тоже издеваются молодые сослуживцы, прозвавшие его «крысой». Живет он «в углах», в кухне за перегородкой, среди «бывших людей», нищих, пьяных, голодных. Ходит в засаленном порванном мундире и дырявых сапогах, питается больше чаем и так забит, так запуган жизнью, что боится даже роптать на судьбу. Бывает такая степень униженности, когда человек даже права на несчастье за собой не смеет признать, когда малейшую жалобу на несправедливость почи-тает чуть ли не бунтом.

Но вот в жизни Макара Девушкина происходит огромное событие: он встречает молодую девушку Вареньку, сироту, которой грозит позор и гибель. Он спасает ее от зловещей Анны Федоровны, которая собирается продать ее самодуру помещику Быкову, находит ей комнату, достает работу, лечит ее, посылает ей книги, развлекает, заботится о ней как о родной дочери. Чувство его к Вареньке нежнее и горячее отеческой любви, но он в целомудрии своем боится самому себе в этом признаться. Переписка между Макаром и Варенькой, печальная, трогательная, а под конец патетическая, образует скелет повести.

Достоевский учится у Гоголя детальной живописи быта бедных людей, пристальному вниманию к мелочам, «опутавшим нашу жизнь», но, подчиняясь его художественной манере, он бунтует против него. Несмотря на знаменитую сентиментальную тираду в «Шинели»: «Зачем вы меня обижаете?» бедный чиновник Гоголя – существо низменное, тупое, высший идеал которого – новая шинель. Это какая-то машина для переписывания бумаг, ходячий автомат, человек бессловесный и бесчувственный. Достоевский восстал против такого изображения человеческой личности: под влиянием французского

филантропического романа Бальзака и Ж. Санд он заявил протест во имя большей человечности.

В композиции Гоголя он произвел простое, но гениальное изменение. Акакий Акакиевич всю свою душу вкладывает в вещь (шинель); Макар Девушкин жертвует собой ради живого человека (Вареньки). От этой замены вещи личностью повесть приобретает неожиданную глубину и эмоциональную напряженность. Смешной героизм Акакия Акакиевича, его аскетическая самоотверженность, опошленная недостойным объектом, превращается в высокое и бескорыстное служение Макара Девушкина Вареньке. Из мании Достоевский сделал чувство, из жалкой идеи фикс Башмачкина – чистую любовь Девушкина.

Но герой Достоевского борется и побеждает Гоголя не только фактом своей жизни и любви; он также и полемизирует с Гоголем-писателем, будучи сам литератор. И в этом новая художественная удача молодого автора. Из «бедного чиновника без речей», немотствующего и косноязычного героя «Шинели» Достоевский сделал писателя Девушкина, который сочиняет рассказы, отделяет свои письма, «формирует свой слог». Создав стиль речи «бедного чиновника», автор блестяще разрешил сложные вопросы поэтики «гоголевской школы»: он очеловечил бездушный, вещный натурализм 40-х годов и положил начало новому реализму, сказал всю правду о человеке. Повести Гоголя «Шинель» Макар Девушкин противопоставлял повесть Пушкина «Станционный смотритель». От гоголевской магии, которой Достоевский был заморожен в юности, он спасается в светлом искусстве Пушкина.

Для читателей, привыкших к более или менее остроумным насмешкам над чиновниками, глубокая

и сложная душевная жизнь героя Достоевского показала чудесным открытием. Девушкин не замечает своей нищеты и униженности, пока Варенька здорова и весела. Но вот она заболевает; он просиживает ночи у ее изголовья; чтобы послать ей винограда и розанчиков, продает свой вицмундир, впадает в тоску, запиивает. Хозяйка гонит его с квартиры за неуплату; жители перехватывают его письма к Вареньке, потешаются над его любовью и называют ловеласом. Вареньку преследует какой – то негодяй, и она решается съехать с квартиры; но для этого ей нужны деньги. Девушкин в отчаянии бежит к ростовщику, тот его выгоняет. Его спасает Неожиданная милость начальника, «Их превосходительства», дарящего ему сто рублей. Но Варенька не в силах больше принимать его жертвы и решает согласиться на предложение того самого помещика Быкова, который когда-то так больно ее оскорбил. Девушкин понимает, что этот грубый и жесткий человек погубит ее и что она жертвует собой – для него. В последнем письме к ней, в слезах и столах вырывается наконец наружу вся его иступленно нежная и пламенная любовь. «Нет, вы мне еще напишите, еще мне письмецо напишите обо всем. А то ведь, ангел небесный мой, это будет последнее письмо; а ведь никак не может так быть, чтобы письмо это было последнее! Да нет же, я буду писать, да и вы-то пишете... Ах, родная моя, ведь вот я теперь и не знаю, что это я пишу, никак не знаю, ничего не знаю и не перечитываю, а пишу только бы писать, только бы вам написать-то побольше. Голубчик мой, родная моя, маточка вы моя!»

А вокруг этих двух фигур – Вареньки и Девушкина – живет и движется целый мир несчастных обездоленных людей, задавленных бедностью, стыдящихся своего

несчастья, умирающих в холодных подвалах. Достоевский в первом же своем произведении проник в глубину человеческого горя и отчаяния. Его повесть была поведью любви и сострадания к «меньшим братьям».

* * *

Внезапная слава Достоевского была непродолжительной. Повести, написанные им после «Бедных людей», разочаровали Белинского и не понравились публике. Самолюбивый автор разрывает с кружком «Современника», обвиняет Белинского в крайнем материализме и атеизме и заболевает серьезным нервным недугом. Он испытывает припадки мистического ужаса, и ему кажется, что он сходит с ума; он мечтает о смерти как об освобождении. С 1848 года он начинает посещать кружок чиновника министерства внутренних дел Петрашевского и увлекается социальными теориями французских утопистов – Фурье, Сен-Симона, Кабе.

На «пятницах» Петрашевского молодежь горячо говорила о справедливом устройстве общества, смело критиковала николаевский режим, требовала освобождения крестьян, реформы суда, смягчения цензуры. На одном из собраний Достоевский прочел письмо Белинского к Гоголю, в котором умирающий критик обличал гоголевский реакционный мистицизм и заявлял, что Россия нуждается не в молитвах и молебнах, а в реформах и просвещении.

В апреле 1849 года петрашевцы были арестованы и приговорены к смертной казни. После восьмимесячного заключения в Петропавловской крепости Достоевского с другими «заговорщиками» отвезли на Семеновский плац и взвели на эшафот; им зачитали смертный приговор. Над головами преступников, одетых в белые

рубахи, были переломлены шпаги; троих уже привязали к столбам. Вдруг забили барабаны – и осужденным было объявлено, что государь дарует им жизнь.

Эта жестокая инсценировка казни, эти минуты, прожитые перед лицом смерти, потрясли душу болезненного писателя. С эшафота он сошел другим человеком, с мистическим опытом смерти. Он дико озирался кругом: прежняя жизнь была погребена, Началась новая, непохожая на существование других людей. В романе «Идиот» Достоевский так описывает эти мгновения приговоренного к смерти: «Когда он простился с товарищами, настали те две минуты, которые он отсчитал, чтобы думать про себя; ему все хотелось представить себе, как можно скорее и ярче, что вот как же это так? Он теперь есть и живет, а через три минуты будет уже нечто, кто-то или что-то, – так как же? где же? Все это он думал в эти две минуты решить! Невдалеке была церковь, и вершина собора с позолоченной крышей сверкала на ярком солнце. Он помнил, что ужасно упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от нее сверкавшие. Оторваться не мог от лучей: ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он через три минуты как-нибудь сольется с ними».

Достоевский был сослан на четыре года на каторгу в Сибирь. Прощаясь с братом, он говорил, что страстно хочет жить, что на каторге тоже не звери, а люди, что жизнь прекрасна, потому что: “On voit le soleil” («Солнце видно». – Ред.). В Тобольске одна из жен декабристов подарила ему Евангелие – это была единственная книга, которую он читал в Омском остроге. Четыре года заключения она пролежала под его подушкой. В нервном, болезненном Достоевском была огромная сила и жажда жизни, неистребимая духовная энергия,

которая позволила ему пережить четыре года ужасающих страданий.

Каторжники встретили его ненавистью – как дворянина; преследовали его неутолимой злобой, покушались его убить. Казарма, в которой он жил, была ветхое, деревянное здание, нестерпимо душное летом и холодное зимой. Заиндевевшие окна, почти не пропускавшие света, угарная печка, ушат с нечистотами в сенях, голые нары, блохи, вши, грязь, темнота, пьянство, ругань, поножовщина; тяжка работа на Иртыше в 40 градусов мороза. Но самое страшное для Достоевского было вынужденное ежечасное общение с каторжным народом, люто его ненавидевшим. Он пишет брату: «Что сделалось с моей душой, с моими верованиями, с моим умом и сердцем в эти четыре года – не скажу тебе. Долго рассказывать».

Впечатления о Сибири были столь сильны, так перевернули душу писателя, что ему понадобилось семь лет, чтобы осознать их. «Записки из мертвого дома» появились только в 1861 году. Мы знаем, как мучительно было столкновение Достоевского с преступниками, какой ненавистью они отравили ему пребывание в остроге. Мы ждем сурового суда над обитателями «мертвого дома» – и к удивлению нашему находим совсем другое. На каторге Достоевский понял, что правда не на его стороне, а на стороне его врагов. Он смиренно принял посланное ему Богом испытание, и страдания не озлобили, а просветили его. Он не только простил своих врагов, но от всей души полюбил их. Под корой зла он Увидел подлинную человеческую душу, и решил сказать: эти злодеи, разбойники, убийцы – лучшие Русские люди: «Сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром!

Ведь надо же все сказать: ведь этот народ – необыкновенный был народ».

Достоевский смотрит на преступников как на «несчастных»; среди этих страдальцев умеет находить «черты самого утонченного развития душевого». Вот – кроткий, красивый юноша Сироткин, Всегда сияющий улыбкой, всегда всем довольный; Вот молодой кавказец Алей, мечтательный и нежный; писатель учит его грамоте по Евангелию Алей чувствует высокую красоту Нагорной проповеди; вот смешной и добродушный еврей Исай Фомич; вот бывший кавказский офицер Аким Акимыч фанатик формы и «благонравия». Но рядом с этими светлыми людьми показаны и темные: ужасный человек-паук Газин, любивший резать маленьких детей; высокомерный и могучий духом разбойник Орлов, окруженный каким-то ореолом демонического величия. «Мертвый дом» изображен Достоевским во всей страшной правде его быта. Сцены телесных наказаний, тюремной бани, любительского спектакля, устроенного арестантами, говения в Великом посту поражают своей эпической простотой и силой.

В церкви, пишет он, «арестанты молились очень усердно и каждый из них каждый раз приносил свою нищенскую копейку на свечу или клал на церковный сбор. „Тоже ведь и я человек“, – может быть, думал он или чувствовал, подавая; „перед Богом-то все равны“. Причащались мы за ранней обедней. Когда священник с чашей в руках читал слова: „Но яко разбойника мя прими“, – почти все повалились на землю, звуча кандалами, кажется, приняв эти слова буквально на свой счет».

Омский острог был Голгофой Достоевского; в невыразимых нравственных и физических страданиях он обрел

образ распятого Христа и причастился народной вере в Него. Он вынес из каторги любовь ко Христу и к русскому народу – страстотерпцу грешному и мучающемуся своим грехом. В Сибири окончательно сложилось его мировоззрение, которое можно назвать «мистическим народничеством».

* * *

По отбытии срока наказания Достоевский был отправлен в Семипалатинск и зачислен рядовым; здесь он написал две повести: «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково». Только в 1859 году ему разрешено было вернуться в Россию.

В Петербурге он погружается с новой энергией в литературную работу, издает со своим братом Михаилом журнал «Время» и печатает в нем «Записки из Мертвого дома» и роман-фельетон «Униженные и оскорбленные». Написанная наспех, растянутая и мелодраматичная, эта повесть о несчастной любви чувствительной Наташи Ихменевой к легкомысленному князю Алеше Валковскому прошла почти незамеченной. А между тем, несмотря на бросающиеся в глаза недостатки, «Униженные и оскорбленные» заключали в себе глубочайшие темы больших романов Достоевского: в лице начинающего литератора Ивана Петровича автор отчасти изображает самого себя в эпоху 40-х годов; в благородной и самоотверженно любящей Наташе намечены черты излюбленного писателем образа страстной и сильной женщины; князь Валковский-отец, человек без совести и чести, циник и злодей – родоначальник всех «демонических» героев Достоевского.

После каторги писатель резко ставит проблему нравственного долга и свободы. Его волнует загадка сильной

личности, считающей себя выше морального закона и признающей за собою право на преступление. Князь Валковский – предатель, развратник, низкий интриган – внушает не только отвращение, но и суеверный страх: в нем воплощена темная и таинственная сила зла.

В журнале «Время» братья Достоевские ожесточенно полемизировали с «Современником» и «Русским словом», органами материализма и утилитаризма 60-х годов, и проповедовали свое довольно туманное учение о «почвенности». Они призывали интеллигенцию к возвращению к земле, народу русской вере и народной правде. Общество плохо разбиралось в этой разновидности славянофильства а правительство не доверяло патриотизму бывшего петрашевца и каторжанина.

В 1863 году «Время» было закрыто; в следующем году журнал возобновился под названием «Эпоха», но успеха не имел. Смерть любимого брата Михаила, смерть жены (Достоевский женился в Сибири на вдове одного местного чиновника), прекращение «Эпохи» повергли Достоевского в безвыходное отчаяние. Он взял на себя все журнальные долги брата, вложил свои последние деньги в издание, обязался содержать семью покойного, оставшуюся без всяких средств, и запрягся в работу, которая, по его словам, была тяжелее каторжной. «Я охотно бы пошел опять в каторгу на столько же лет, – писал он одному приятелю, – чтобы только уплатить долги и почувствовать себя свободным. Теперь начну писать роман из-под палки, т. е. нужды, наскоро»...

В полном духовном одиночестве, в мрачной тоске, усиливаемой припадками эпилепсии, в крайней бедности, «из-под палки», «наскоро» было написано одно из величайших произведений мировой литературы, роман «Преступление и наказание» (1866).

Содержание своего романа автор излагает сам в письме к редактору «Русского вестника» М. Каткову: «Это – психологический отчет одного преступления. Действие современное, в нынешнем году. Молодой человек, исключенный из студентов университета, мещанин по происхождению и живущий в крайней бедности, по легкомыслию, по шаткости в понятиях, поддавшись некоторым странным „недоконченным“ идеям, которые носятся в воздухе, решил разом выйти из скверного своего положения. Он решил убить одну старуху, титулярную советницу, дающую деньги на проценты. Старуха глупа, глуха, больна, жадна, берет жидовские проценты, зла и заедает чужой век, мучая у себя в работницах свою младшую сестру. „Она никуда не годна“, „для чего она живет?“, „полезна ли она хоть кому-нибудь?“ – эти вопросы сбивают с толку молодого человека. Он решает убить ее, обобрать, с тем, чтобы сделать счастливою свою мать, живущую в уезде, избавить сестру, живущую в компаньонках у одних помещиков, от сластолюбивых притязаний главы этого помещичьего семейства, грозящих ей гибелью, докончить курс, ехать за границу, и потом всю жизнь быть честным, твердым, неуклонным в исполнении „гуманного долга к человечеству“; чем уже, конечно, „загладится“ преступление, если только преступление – поступок над старухой глухой, злой и больной, которая сама не знает, для чего живет на свете, и которая через месяц, может быть, сама собой померла бы... Студенту совершенно случайным образом удается совершить свое преступление скоро и удачно.

Почти месяц он проводит после того до окончательной катастрофы. Никаких на него подозрений Нет и не может быть. Тут-то и разворачивается весь Психологический процесс преступления. Неразрешимые

вопросы встают перед убийцей, неподозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце Божья правда, земной закон берет свое, и он кончает тем, что принужден сам на себя донести. Принужден, чтобы хотя погибнуть на каторге, но примкнуть опять к людям, чувство разомкнутости и разъединенности с человечеством, которое он ощущает тотчас же по совершении преступления, замучило его Закон правды и человеческая природа взяли свое. Преступник сам решает принять «муку, чтобы искупить свое дело».

Так сам автор понимал идею своего романа. Бывший студент Родион Раскольников – сильная личность, которая хочет «заявить свое своеволие». Он угрюм, мрачен, надменен и горд, но в то же время великодушен и добр. «Ужасно высоко себя ценит, и кажется, не без некоторого права на это», – говорит о нем его товарищ Разумихин. Замкнутая и болезненно самолюбивая натура его способна, однако, на любовь и сострадание: он нежно любит мать и сестру и отдает свои последние деньги голодающей семье чиновника Мармеладова. Он живет в мансарде, лежит на кровати и напряженно, лихорадочно думает. Идея овладевает им, как неотступный кошмар, идея глубокая, непреодолимо логическая.

Мечтатель и теоретик Раскольников доводит свое рассуждение до крайнего вывода. Когда-то он написал статью, в которой изложил стройную теорию преступления. Все человечество делится на две категории – избранное меньшинство и людское стадо – для первых, великих гениев, вождей, законодателе все позволено; они не связаны обыкновенной моралью, они выше добра и зла, они могут «переступить», Для них нет законов. Остальная человеческая масса, «дрожащая тварь»,

должна повиноваться гениям. «Кто крепок и силен умом и духом, – говорит Раскольников, – тот и властелин! Кто много посмеет, тот и прав. Власть дается только тому, кто посмеет наклониться и взять ее. Тут только одно: стоит только посметь!»

Раскольников преклоняется перед Наполеоном, который забывал свою армию в Египте, проливал реки крови, не останавливался перед горами трупов, так как чувствовал свое «право» и не сомневался в своей «праве». И вот «сильный человек» задает себе вопрос:

«Мне надо узнать, и поскорее узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу? Осмелюсь ли нагнуться и взять, или нет? Тварь ли дрожащая или право имею?» Чтобы узнать это, он убивает старуху ростовщицу. Преступление своей отвратительной реальностью разрушает его и физически и нравственно. Он мог бы и не совершать его; сами вопросы его, сомнения, неуверенность в своем «праве» и потребность «доказать» себе самому свою силу ясно показывали, что он не сверхчеловек, не Наполеон. Бессмысленное и омерзительное двойное убийство было только излишней мукой.

Раскольников – теоретик, фанатик идеи, абстрактный мыслитель, но совсем не человек дела, не вождь и не властелин. Его рассуждение было логически безупречно, но как жалок и беспомощен он в действии! В изображении сверхчеловека Достоевский прямой предшественник Ницше. Он пророчески предвидит нашу эпоху, когда Человек с большой буквы), безбожный и демонически-могучий, восстал на Бога и затопил мир кровью.

Гордыне разума, самоутверждению злой воли в романе противопоставляется «земной закон» и «Божья правда».

Совершив преступление, Раскольников испытывает «мрачное ощущение мучительного, бесконечного единения и отчуждения». Он разорвал связь с природой, с миром, круговую поруку, соединяющую всех людей. «Я себя убил, а не старушонку! – восклицает он. – Тут так-таки разом и ухлопал себя навеки». Закон разума оказался разрушительным и убийственным – он привел его на край пропасти. «Закон жизни» воскрешает его; он воплощен в Соне Мармеладовой, дочери спившегося, обремененного семейством чиновника Мармеладова. Чтобы спасти от голодной смерти свою семью, Соня стала «уличной», она пожертвовала собой; чистая и смиренная душой, она безропотно несет свой страшный крест, считает себя последней грешницей, «падшей». Гордый преступник кланяется ей в ноги. «Я не тебе поклонился, – говорит он ей, – я всему страданию человеческого поклонился!» Соня, замирая от ужаса и жалости, выслушивает его исповедь; она не осуждает его. «Что вы, что вы это над собой сделали! – со слезами говорит она. – Нет тебя несчастнее никого теперь на целом свете!» Убийца и блудница читают евангельский рассказ о воскресшем Лазаре.

Жалкая неученая Соня мудрее философа Раскольникова. Она знает «Божью правду», знает, что люди не делятся на властелинов и стадо, что все они – дети Божьи и что одна человеческая душа стоит всего мира. Раскольников возомнил себя судьей, он присвоил себе божественное право решать чья жизнь имеет смысл и чья – бессмысленна. Со благоговеет перед мистической тайной всякой жизни, перед ее непостижимой глубиной. Своим убийством Раскольников осквернил святую мать-сыру землю. «Пойди сейчас же, сию же минуту, – говорит ему Соня, – стань на перекрестке,

поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: я убил! Тогда опять Бог тебе жизнь пошлет».

Раскольников повинется, он доносит на себя, его судят и ссылают на каторгу. Но гордый разум продолжает бунтовать против религиозного «закона жизни»; он не понимает смысла наказания, необходимости очистительных страданий. И только в Сибири Соня, следовавшая за убийцей в ссылку, воскрешает его умершую душу. Он смиряется перед величием ее жертвы, перед подвигом ее любви. Раскаяние входит в его озлобленное сердце, в нем загорается любовь к Соне – он воскресает. Евангельское повествование о воскресшем Лазаре раскрывается в эпилоге как религиозный символ всего романа.

* * *

«Преступление и наказание» вызвало бурю восторгов и негодования. Одни говорили о «жестокоем таланте» автора, его гениальной психологической прозорливости и философской глубине, другие обвиняли его в клевете на молодое поколение и жаловались на его пристрастие ко всему мучительному, больному, отвратительному и извращенному. Критики не могли оценить всей важности «открытий» Достоевского, всей новизны его учения о человеке.

Но шумный успех романа не изменил тяжелого материального положения автора; он уезжает за границу, спасаясь от преследований кредиторов. Четыре года проводит он со своей второй женой Анной Григорьевной в Швейцарии, Германии и Италии. Постоянное безденежье, страшная тоска по родине участившиеся припадки

эпилепсии, мучительная и упорная работа над двумя большими романами «Идиот» и «Бесы», которые переделываются много раз, наконец, приступы страсти к азартной игре, всегда оканчивавшейся проигрышами, – такова внешняя картина этого мрачного периода.

Внутренняя жизнь Достоевского была не менее трагична: он искал ясной и непосредственной веры, цельного религиозного мировоззрения, но его раздвоенной, кипящей противоречиями душе гармония не была дана. Попытки изобразить «положительно-прекрасного человека», оправдать историческое бытие России и найти «всепримирение идей» кончились срывом. В «Идиоте» Достоевский выводит «идеального русского человека» в лице полуюродивого, полусвятого князя Мышкина. Он возвращается в Россию из швейцарского санатория, полный ангельской кротости, доброты, всепрощения; он хочет весь мир обнять, всех примирить, всех сделать счастливыми. Но, попав в вихрь страстей, кружащиеся вокруг «демонической красавицы» Настасьи Филипповны и ее жениха купца Парфена Рогожина, он никого не спасает и сам гибнет в мире ненависти, ревности, злобы и преступлений.

В «Бесах» Достоевский рисует потрясающую по мрачности картину России, одержимой бесами гражданской смуты. Революционное движение представляется ему в виде гнусной шайки мошенников, мерзавцев и предателей, руководимой «мелким бесом» шмыгающим и хихикающим Петром Верховенским. Духовным центром этого водоворота крови и грязи является загадочная и жуткая в своем дьявольском величии фигура Николая Ставрогина: не лицо, а мертвая маска, красивая и в то же время отвратительная. Ни в одном романе писатель не нагромоздил столько ужасов, убийств,

самоубийств, пожаров, смут и душевных болезней, как в «Бесах». Евангельский рассказ об исцелении Гадаринского бесноватого, служащий идеей-символом романа, только отчасти соответствует его содержанию: мы видим Россию, попираемую стадом свиней, в которых вселились бесы, но мы напрасно стали бы искать образ исцеленной России, сидящей у ног Христа.

Этот роман-памфлет, иступленно-злостный и страстный, восставил против автора все молодое поколение. Достоевский прослыл реакционером и обскурантом, и ему стоило огромных усилий рассеять это неверное о себе мнение.

В 1871 году он возвращается в Россию. Наступает последний период его жизни, относительно спокойный и благополучный. Благодаря деловитости Анны Григорьевны материальное положение семьи улучшается. Достоевский становится издателем собственных книг, они начинают приносить доход, и он достигает наконец некоторой независимости и благосостояния. Ему удается даже купить небольшой домик в Старой Руссе, где он может спокойно трудиться в семейном уюте. Кроме работы над романом «Подросток», он занимается журналистикой; в 1873 году состоит редактором в журнале «Гражданин», а в 1876–1877 годах издает свой собственный журнал «Дневник писателя». С пламенной любовью пишет он о русском народе, о его испытанной страданиями вере во Христа, о его смирении и покаянии: пророчит России великое будущее, «всечеловеческую миссию», окончательное объединение всех народов в единое братство во Христе. В православии видит он отражение неискаженного лика Спасителя и верит, что «свет воссияет с Востока». Оторвавшуюся от родной почвы русскую интеллигенцию неустанно призывает

он к воссоединению с народом. Но к «мистическому народничеству» Достоевского нередко примешивался воинственный империализм и национальная исключительность. Он проповедовал смирение, но подчас оно бывало «паче гордости».

Последний роман Достоевского, духовный итог всего его творчества и его завещание будущим поколениям – «Братья Карамазовы» (1879–1880). Автор изображает жизнь глухого провинциального города, реалистически описывает нравы его обитателей, но этот низменный и пошлый быт – только покров, сброшенный на бездны человеческой души, на страшные тайны земного бытия. По грандиозности замысла и глубине философского содержания «Братья Карамазовы» стоят на одном уровне с величайшими произведениями мировой литературы – «Божественной комедией» Данте и «Фаустом» Гете.

В плане эмпирическом это хроника «одного случайного семейства», история вражды сыновей с отцом, убийство сластолюбивого, грязно-циничного старика Карамазова его побочным сыном Смердяковым и осуждение вследствие судебной ошибки другого его сына Дмитрия на каторжные работы, это драматическая повесть о соперничестве отца и сына, влюбленных в одну женщину – русскую красавицу, обольстительную и своевольную Грушеньку; параллельно с этим рассказ о ненависти Ивана к брату Дмитрию и о страсти его к Катерине Ивановне, покинутой невесте брата.

В плане метафизическом роман построен подобно средневековой мистерии, где темные силы борются со светлыми, где земное царство помещено посередине и ограничено снизу адом и сверху раем. Достоевский изображает современный нам период истории, когда в сердцах людей померк образ Божий, когда

пошатнулись все традиционные моральные устои и вся жизнь стала смутной, тревожной и загадочной. Дмитрий Карамазов восклицает: «Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды».

Герои Достоевского – люди, потерявшие непосредственную веру, люди, отпущенные на свободу, ищущие границ этой страшной своей свободы и не находящие их. В них клокочет огромная сила жизни, «неприличная карамазовская жажда», и эта могучая энергия уходит или в «безудерж желаний», в плотоядное сладострастие отца Карамазова, или в Дикий разгул страстей Дмитрия, или в титаническое богоборчество Ивана.

Семейство Карамазовых – символ всего современного человечества, заблудившегося в пустыне мира и покинутого Богом. Если нет Бога, то все Позволено; тогда сам человек – Бог. Воля, не направленная к высшей, потусторонней цели, превращается в безумное своеволие, разрушающее мир и кончающееся самоистреблением; разум, не подчиненный божественной истине, доходит до самообожествления и отрицания всего творения. С гениальным ясновидением проследил Достоевский все сложные пути человекобожеской гордыни, богоборчества и демонического своеволия. У него был пророческий дар, и он предвидел катастрофу русской революции и антихристово царство коммунизма. Но, изображая огненными чертами опустошенный мир зла, он противопоставляет ему свою веру в конечную победу света, в неистребимый в душе человека образ Божий, в грядущее религиозное преображение земли. Дмитрий Карамазов говорит: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей». Об этой роковой борьбе добра и зла в человеческих душах и написан роман.

Иван Карамазов, «ученый брат», теоретик и логик, выступает как «адвокат дьявола». В его исповеди брату Алеше и в сочиненной им «Легенде о Великом инквизиторе» соединены и сосредоточены все доводы против существования Бога, которые когда-либо в истории выдвигались самозаконным разумом. «Сила отрицания», заключенная в его аргументах, так велика, что она может взорвать весь мир. Иван обвиняет Бога в существовании зла на земле; море бессмысленных и безысходных страданий заливает созданный Им мир. Никакая конечная гармония, никакие награды праведникам и наказания грешникам не могут искупить «слезинки одного замученного ребенка». Такого мира, несправедливого и темного, он не желает принять, а потому «почтительнейше возвращает Богу билет» на вход в царствие небесное. В «Легенде о Великом инквизиторе» – испанский инквизитор судит Христа и уверяет его, что люди слишком слабы и ничтожны, чтобы жить по Его заветам. Спаситель хотел от людей свободной любви, но нет для человеческого стада большего бремени, чем свобода. Великий инквизитор исправил дело Христа; веру к свободе и любви он заменил властью, чудом и авторитетом. Он поработил жалких бунтарей, но зато устроил им спокойную, сытую жизнь. На горячую, исступленную речь инквизитора Спаситель не отвечает. «Но Он вдруг молча приближается к старику и тихо целует его в бескровные девяностолетние уста». На безумные речи гордого отступника и бунтовщика Христос отвечает поцелуем любви.

Мы не находим в романе теоретического опровержения гениальной атеистической диалектики Ивана Карамазова. Отрицающему разуму противопоставляются не логические рассуждения, а живой мистический опыт. Достоевский говорит неверующему: «Прийди и виждь».

Бог живет в чистых и любящих сердцах Зосимы и младшего брата Карамазова – послушника Алеши. Доказать Его существование нельзя, можно только показать, ибо «свет во тьме светит, и тьма его не объят». Это тихое излучение мистического света столь же реально, как и «буря страстей» Дмитрия, «сладострастие насекомых» отца-Карамазова и безблагодатный бунт Ивана.

Алеша живет в монастыре келейником старца Зосимы, ясновидца и целителя. Духовный отец посылает его в мир, служить людям, спасать гибнущих братьев, утешать озлобленных и несчастных. Его Радостная улыбка, тихо сияющие глаза, стыдливая Кротость и простые, ласковые слова вносят свет и Мир в темное карамазовское царство. Но и в чистом Алеше живет темная земная сила его рода; он не защищен от искушений и соблазнов. Захваченный мутным водоворотом страстей, бушующих вокруг него, он переживает глубокий душевный кризис. Когда после смерти Зосимы, которого он почитал святым, он слышит «тлетворный дух» от его бранных останков, вера его колеблется. Он стоит у гроба старца и полудремя слушает чтение Евангелия: «И в третий день брак бысть в Кане Галилейстей»; вдруг, видит он, комната раздвигается; вот гости на брачном пиру, вот и молодые и «премудрый архитриклин». Из-за большого стола встает Зосима, «сухенький старичок, с мелкими морщинами на лице, радостный и смеющийся». Он подходит к Алеше и говорит: «Веселимся, пьем вино новое, вино радости новой, великой; видишь, сколько гостей?.. А видишь ли Солнце наше, видишь ли ты Его?.. Не бойся Его. Страшен величием пред нами, ужасен высотой Своей, но милостив бесконечно, нам из любви уподобился и веселится с нами»...

Это видение Алеши – вершина всего творчества Достоевского. Весь мир – царство Божие, все люди, темные

и грешные, призваны на мессианский пир и пьяны новым вином великой радости. Прекрасно все Божие творенье, ибо во всех и во всем Христос. Красота спасет мир, вся земля преобразится в рай, и всякая душа возрадуется. Брак в Кане Галилейской, чудо превращения воды в вино – религиозный символ романа, образ достигнутой гармонии, осуществленной красоты.

Потрясенный видением, Алеша выбегает из монастыря. «Полная восторгом душа его жаждала свободы, места, широты. Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд... Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю... Тишина земная как бы сливалась с небесной, тайна земная соприкасалась со звездой. Алеша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю. Он не знал, для чего обнимал ее, он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее, плача, рыдая и обливая своими слезами, и иступленно клялся любить ее, любить во веки веков... Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божьих сошлись разом в душе его, и он весь трепетал, соприкасался мирам иным... Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом».

Достоевский собирался написать продолжение «Братьев Карамазовых», роман о дальнейшей жизни и религиозном служении Алеши. Смерть помешала его планам. Но о замысле автора мы можем судить по заключительным словам «Карамазовых». Алеша собирает вокруг себя школьников, которые преследовали бедного, больного мальчика Илюшу, внушает им горячую любовь к умирающему товарищу, а после смерти Илюши на могилке его объединяет их в братство, освященное «вечной памятью» об общем друге.

В этом маленьком эпизоде, как в капле воды, отражается заветная мечта Достоевского о «всемирном братстве человечества во имя Христа».

* * *

«Братья Карамазовы» были огромным событием в Духовной жизни России. На Достоевского смотрели как на пророка и учителя, он казался воплощением Русской совести. На празднике открытия памятника Пушкину в Москве в 1880 году его знаменитая речь о «всечеловеческой миссии» русского народа, величайшим представителем которого был Пушкин, вызвала бурю восторгов. Незнакомые между собой люди обнимались, враги мирились, молодежь носила писателя на руках; были слезы, объятия, обмороки, бесконечные овации. Достоевский стоял на вершине своей славы. В следующем году, 28 января 1881 года, он скончался. Похороны его объединили все партии и сословия русского общества.

После великой войны Достоевский наряду с Толстым приобрел мировую известность. В наше время сумерек гуманизма, кризиса свободы и личности учение Достоевского о человеке раскрывается во всей своей пророческой значительности. Свою прекрасную книгу о Достоевском Н. А. Бердяев заканчивает такими словами: «В катастрофах и потрясениях, почуяв зов духовной глубины, народы Западной Европы с большим вниманием и большей внутренней потребностью подойдут к тому русскому и мировому гению, который был открывателем духовной глубины человека и который предвидел неизбежность катастроф в мире. Достоевский и есть та величайшая ценность, которой оправдывает русский народ свое бытие в мире, то, на что может указать он на Страшном Суде Народов».

ТОЛСТОЙ

(1828–1910)

Граф Лев Николаевич Толстой родился в селе Ясная Поляна Тульской губернии в 1828 году. Ему не было еще двух лет, когда умерла его мать; девяти лет он лишился отца. Его воспитывала тетя графиня Остен-Сакен и дальняя родственница Татьяна Александровна Ергольская. Семейные предания и воспоминания детства послужили будущему писателю неисчерпаемым источником вдохновения. И в «Детстве» и «Отрочестве», и в «Войне и мире» Толстой рассказывает о своей семье, о патриархальной жизни барской усадьбы, о том «мире любви», который окружал его в детстве. Князь Андрей Андреевич Болконский, умный и властный старик, живущий со своей дочерью княжной Марьей в поместье Лысые Горы, Николай Ростов и его семья – все эти незабываемые лица в романе «Война и мир» взяты из жизни и преобразены в искусстве. Князь Болконский – дед писателя Николай Сергеевич Волконский; княжна Марья – его мать Мария Николаевна – На; Урожденная княжна Волконская; Николай Ростов – его отец, граф Николай Ильич Толстой; сирота Соня, живущая в доме Ростовых и самоотверженно любящая Николая, – это «Таничка» Ергольская, заменившая детям мать после смерти Марии Николаевны. Даже француженка-компаньонка княжны

Марьи, m-lle Буренн, существовала в действительности и носила имя m-lle Эннисиенн.

Детство Толстого мы видим в поэтическом отображении «Детства» и «Отрочества». Конечно, история семьи Иртеньевых не есть семейная хроника рода Толстых; правда и вымысел здесь тесно переплетаются, и все же это произведение в самом глубоком психологическом смысле вполне автобиографично. Это – правдивое воссоздание той «духовной атмосферы», в которой развивался Толстой. Образ немца-учителя Карла Ивановича вдохновлен воспитателем детей Толстых Федором Ивановичем Ресселем; типы преданных дворовых слуг и «божьих людей», рассказывающих о своих паломничествах, странников и юродивых («великий христианин Гриша») изображены писателем по воспоминаниям раннего детства.

В 1836 году детей перевозят в Москву к бабушке, и они начинают серьезно учиться под руководством гувернера-француза Проспера Сен-Тома. Портрет этого холодного щеголя, жестокого и презрительного, подвергавшего детей телесным наказаниям, нарисован незабываемыми чертами в «Отрочестве» (Сен-Жером). После смерти бабушки новая опекунша, тетка Толстых Юшкова увозит сирот в Казань – Толстой учится в университете восточным языкам и юридическим наукам, но лекции его не интересуют: он увлекается балами и спектаклями.

В «Юности» он описывает свою казанскую светскую жизнь, успехи в обществе, кутежи с товарищами, свой аристократический снобизм и стремление к идеалу “*comme il faut*”. Но под этой пестрой и блестящей поверхностью жизни в нем происходит сложная «подземная» работа. Он зачитывается Руссо, собирается писать

сочинение о цели философии как науки жизни, составляет правила поведения (ходить в церковь, читать Евангелие, помогать нищим, выучить все науки, сделаться самым великим ученым во всей России и т. д.). Неудача на экзамене разочаровывает его в науке: он решает бросить университет, поселиться в деревне и заняться самообразованием.

Он мучительно недоволен собой и хочет посвятить всю свою жизнь нравственному совершенствованию. Его цель – деятельно осуществлять добро и приносить пользу людям.

Толстой осознает себя моралистом и проповедником: 1847 год – возвращение в Ясную Поляну – есть момент его духовного рождения. В деревне он пытается улучшить быт крепостных, но первые же неудачи и затруднения охлаждают его пыл. Поиски «своего места» в жизни нетерпеливы и капризны; отказавшись от призвания ученого, разочаровавшись в роли помещика – благодетеля крестьян, Толстой придумывает себе новое занятие – воевать с горцами на Кавказе. Его пылкое воображение было наполнено романтическими образами джигитов, черкешенок, осажденных аулов, перестрелок в диких ущельях, похищений чернооких пленниц; он бредил Бестужевым-Марлинским, Пушкиным, Лермонтовым. На Кавказе он Участвовал в боях, скучал в станицах, дружил со старым казаком Епишкой, проигрывался в карты, ходил на охоту и вел суровый дневник, в котором аккуратно записывал все свои «падения» и бесплодные попытки исправления. Здесь, в простой избе в Старогладовской станице написал он «Детство», «Отрочество», «Казачи».

Успех повести «Детство», появившейся в 1852 году в некрасовском «Современнике», утверждает его

в намерении посвятить себя литературе. Жизнь на Кавказе кажется ему «в высшей степени нелепой». Он искал военной славы, освобождения от дурных светских привычек – карт, вина, лени, чувственности, – общения с природой и с неиспорченными «детьми природы» и ничего этого не нашел. Роль «романтического воина» тоже не удалась ему. Он подает в отставку, ее не принимают: Россия объявила войну Турции. Произведенный в офицеры, Толстой принимает участие в осаде Силистрии и в ноябре 1857 года прибывает в Севастополь. Героические месяцы осады с эпической простотой описаны писателем в трех рассказах: «Севастополь в декабре, в мае и в августе». Он видел «великие и славные» вещи, смиренное величие русских солдат, их спокойное мужество и простую смерть, он радовался «настоящей жизни» среди разрывающихся бомб и свистящих пуль и плакал, увидев французское знамя на полуразрушенном бастионе. «Благодарю Бога, – писал он, – что я видел этих людей и жил в это славное время!»

После падения Севастополя Толстой выходит в отставку и приезжает в Петербург; период его юности, полной военных тревог и приключений, кончается; наступает зрелость.

Литературная деятельность Толстого начинается без эпохи ученичества, подражаний и поисков своего пути. Он выступает с повестью «Детство», написанной уверенно и литературно блестяще. Впоследствии он сурово осуждал излишнюю «литературность» этого произведения и считал его неискренним. Но для своего времени живой и трогательный рассказ о детстве Николеньки Иртеньева казался «исповедью детской души».

Конечно, психология маленького героя Толстого едва ли характерна для обыкновенного десятилетнего

мальчика, но автор и не скрывает, что Николенька – мальчик необыкновенный. Он резко выделяется из группы детей, его окружающих; с братом Володей, сестрой Любочкой, с товарищем Сережей Ивиным и с «первой любовью» – Сонечкой Валахиной у него сложные и странные отношения. Он тянется к ним, подражает и завидует их непосредственным натурам, хочет быть как они, и в то же время чувствует, что он на них не похож и что все его попытки войти в их жизнь – бесплодны. Духовное одиночество исключительной личности, постоянно себя анализирующей, остро и глубоко осознающей свою особенную судьбу, – основное чувство Николеньки. Он живет в своем внутреннем мире, как мечтатель, одаренный творческой силой воображения и ненасытной жадой любви, но он никого не может ввести в этот мир, и роковая замкнутость становится для него источником страданий. Он неловок, мнительлен, болезненно-застенчив и самолюбив. Гордая самоуверенность уживается в нем с припадками ненависти и отвращения к самому себе. Он приходит в отчаяние от своей непривлекательной наружности, от неумения вести себя в обществе, от своего равнодушия к близким людям. Его сознание раздвоено: «я» наблюдающее строго следит за «я» действующим и иронизирует над ним. Поразительно показана эта работа двойного сознания в сцене у гроба матери. Чувства и мысли Николеньки протекают как бы в двух планах: он пламенно отдается какой-нибудь страсти и хладнокровно рассуждает о ней, как о чем-то постороннем

В «Юности» рассказывается о глубоком религиозном порыве, охватившем Николеньку после исповеди; нельзя сомневаться, что переживание его было глубоко и искренне, а между тем и оно становится

объектом наблюдения, любования, эстетической оценки. Возвращаясь из монастыря, он рассказывает о своем состоянии извозчику, чтобы еще увеличить расстояние между внутренним чувством и внешним наблюдением. Понятно, что при такой сознательности каждого душевного явления для Николенки самым мучительным вопросом является вопрос об искренности. Толстой всю жизнь искал правды, прежде всего своей правды, и беспощадно разрушал все, что казалось ему ложью и самообманом. Эта страсть к разрушению связана с глубочайшими свойствами его раздвоенности. Толстой правдой называл цельность, и именно эта цельность была для него недостижима.

«Детство» составляет часть большого автобиографического произведения «История четырех эпох», которое осталось недописанным. После «Детства» появилось продолжение под названием «Отрочество». Третья часть – «Юность» обрывается на драматическом эпизоде провала на экзамене. Автор обещает рассказать о «своем моральном развитии в более счастливой половине юности», но это обещание он не сдержал. Война на Кавказе и в Крыму увела его от воспоминаний прошлого и открыла перед ним новый живописный мир настоящего.

В «Севастопольских рассказах» Толстой изображает три момента «великой и грустной эпопеи Севастополя, которой героем был русский народ». Это – подчеркнуто простой и деловой рассказ очевидца, стремящегося сказать всю правду о войне. Герои осады показаны обыкновенными людьми, со всеми человеческими слабостями и недостатками.

Штабс-капитан Михайлов способен под пулями неприятеля отправиться спасать товарища, и он же

на гулянье тщеславится тем, что ходит под руку с «аристократами». Автор беспощадно разрушает романтическую традицию «героизма»; война – не красивое, блистательное зрелище «с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами; ее настоящее выражение в крови, в страданиях, в смерти».

Автор «Войны и мира» и «Анны Карениной», неутомимый разрушитель всякой красивой лжи, сокрушитель кумиров и разоблачитель «возвышающих обманов» уже осознал себя в «Севастопольских рассказах». Нарядному и фальшивому романтизму он противопоставляет суровый, трезвый реализм. «Герой моей повести, – пишет он, – которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, – правда». Эта аскетическая борьба за правду начинается разрушением ложного искусства и кончается уничтожением искусства вообще. Толстой вступает на роковой путь, приводящий его к полному нигилизму – эстетическому, культурному и общественному.

В повести «Казачья жизнь» богатый и развращенный светской жизнью юноша Оленин отправляется на Кавказ с неясными мечтами о новой чистой жизни.

Внешне он похож на байронических героев Пушкина и Лермонтова, разочарованных, тоскующих по воле «бегущих из душных городов» на лоно девственной природы. Но Оленин не байронист; он ищет смысла жизни в «нравственном законе», он охвачен «моральным порывом» и хочет жить по правде. Жизнь казаков, простая, грубая, здоровая, поражает его своей близостью к природе. Эти люди «живут, как живет природа», – и они счастливы. Мудрость целостной жизни воплощается

для него в образе казачки Марьяны, которая «как природа ровна, спокойна и сама в себе».

Перед нами та же тоска одинокого, раздвоенного человека, которую мы наблюдаем в Николеньке («Детство», «Отрочество»). Выйти из заколдованного круга личности, раствориться в стихийной общей жизни, отдать себя любви к женщине, к народу, к земле – вот о чем тоскует замкнутая душа мечтателя. И ему кажется, что любовь к прекрасной казачке, «величавой, счастливой женщине», освободит его и спасет. «Я не имею своей воли, – пишет он, – а через меня любит ее какая-то стихийная сила, весь мир Божий. Я люблю ее не умом, не воображением, а всем существом своим. Любя ее, я чувствую себя нераздельной частью всего счастливого Божьего мира». Конечно, все это мечта и мечта неосуществимая: Марьяна не любит Оленина. Но если бы она и полюбила его, он не стал бы счастливее.

Райское блаженство первобытной жизни – плод его воображения. Казаки – не прародители в Эдеме, а темные люди, с дикими нравственными понятиями, воры, разбойники, пьяницы. И мечтатель Разочаровывается. Жить, «как живет природа», как живут «дети природы» казаки, – совсем не соответствует идеалу нравственного самосовершенствования. Казак Лукашка шепчет молитву, стреляя в чеченца, и восклицает: «Ну, слава тебе, Господи; кажется, убил», а «вор-Ерошка» рекомендует себя: «Пьяница, вор, табуны в горах отбивал, песенник, на все руки был».

Оленин – Толстой как рассудочный моралист такого «смысла жизни» принять не может. Он остается меж двух берегов: от «ложной» культурной жизни он оттолкнулся, но к жизни первобытной, руководимой страстями и инстинктами, не пристал. Такова первая стадия

толстовского «возвращения к природе» по стопам обожаемого учителя Жан-Жака Руссо. Культура осуждена и отвергнута, но та «природа», с которой надо слиться, еще не найдена. Молодой писатель еще отравлен романтизмом; ему нужен пышный, экзотический пейзаж, живописный воинственный народ. Процесс «упрощения» завершится, когда Толстой откроет скудную природу средней России, смиренного русского мужика с его религиозной правдой. Тогда «вор-Ерошка» уступит место своему духовному брату – Платону Каратаеву в «Войне и мире».

Прожив год в Петербурге и сблизившись с кружком журнала «Современник», Толстой поселяется в Ясной Поляне и занимается хозяйством. Он совершает два заграничных путешествия (в 1857 и 1860 годах), изучает постановку школьного дела, знакомится со знаменитыми педагогами, посещает училища и музеи. Но европейская жизнь возбуждает в нем негодование, а методы обучения кажутся нелепыми. Он создает свою собственную систему, открывает народную школу и выпускает педагогический журнал «Ясная Поляна».

В 1862 году писатель женится на дочери московского врача Софье Андреевне Берс. Историю своей влюбленности, сватовства и женитьбы он описал впоследствии в романе «Анна Каренина». Константин Левин, молодой помещик, собирающийся написать книгу об экономических условиях в России, сближающийся с крестьянами и сам работающий в поле, во многом похож на автора. Княжна Китти Щербацкая, его невеста, а потом жена, из мечтательной светской девушки превращающаяся в домовитую хозяйку и самоотверженную мать, близка к образу правдивой и энергичной Софьи Андреевны.

Около двадцати лет длился период спокойной и счастливой семейной жизни, наполненной заботами о большом хозяйстве, самообразованием и напряженным литературным трудом. За это время были созданы величайшие художественные произведения: «Война и мир» (1864–1869) и «Анна Каренина» (1873–1876).

В русской литературе нет романа более грандиозного по замыслу, обширного по размерам и совершенного по построению, чем «Война и мир». Толстой задумал первоначально роман «Декабристы», но, чтобы воссоздать эпоху двадцатых годов, он переходит мыслью к прошлому своих героев и наконец остановился на времени войн с Наполеоном. Перед нами – эпопея русской жизни, художественное претворение одного из самых драматических периодов истории России в поэму о русском народе, о его таинственных судьбах, о его национальном духе.

Толстой проводит перед нами ряд могучих и ярких личностей, отважных бойцов, вождей, полководцев, государственных деятелей, мыслителей и творцов культуры, но все это – только блистательная поверхность картины: под ней скрывается единственный и подлинный герой поэмы – смиренный и простой русский народ. Не царь со своими министрами и дипломатами, не генералы со своими адъютантами, не аристократические салоны, не дворянские усадьбы победили Наполеона – его сокрушила духовная сила народа, ополчившегося против «антихриста». Толстой всегда противопоставляет образованному, светскому обществу народную «общину», началу личному – начало народное. И эта тенденциозность не вредит правдивости его изображения, так как он горячо верит, что это не его личная, субъективная правда, а правда самой

жизни. Он убежден, что факты говорят за себя, что беспристрастное изображение действительности открывает «народную правду» во всей ее простоте.

Стремление к объективности изменяет автору только в одном случае: описывая Наполеона, он сознательно унижает его; в его холодной иронии чувствуется личная неприязнь; во всем остальном Толстой соблюдает «справедливость»: у него нет святых и героев – все люди; даже изображая любимые им народные типы, он не идеализирует их. Если художник всегда судья, то автор «Войны и мира» вполне заслуживает имени «судьи праведного». В романе Толстого сталкиваются не только две страны – Франция и Россия, два сословия – дворянство и народ, две культуры – европейская и русская, но и два религиозных мировоззрения.

Дух человекобожества, демонической гордыни сильной личности борется «с духом простоты и правды», с христианским смирением русского народа. Первый воплощен в великом гении, сыне революции и сокрушителе тронов Наполеоне; второй – в «обыкновенном человеке» Кутузове. Первый сам себя венчает императором и мнит себя вершителем судеб мира; он – Цезарь, он – Бог. Второй, «постигая волю Провидения, подчиняет ей свою личную волю»; он представитель «бессознательной, общей, роевой жизни человечества»; и в этом его мудрость и праведность. «Кутузов, – пишет Толстой, – никогда не говорил о веках, которые смотрят с высоты пирамид, о жертвах, которые он приносит отечеству; он вообще ничего не говорил о себе, не играл никакой роли, казался всегда самым простым и обыкновенным человеком и говорил самые простые, обыкновенные вещи».

Таков религиозно-философский смысл романа Толстого. Им завершается огромный и блестящий период

европейской культуры, начавшийся с эпохи Ренессанса и увенчанный величественной фигурой Наполеона. Постепенное освобождение личности от всех форм зависимости – социальной, религиозной, нравственной – закончилось бунтом сильного, богоподобного человека против общества, морали и религии. Романтический герой – мятежник, индивидуалист и богоборец. Своей волей и разумом он хочет перестроить весь мир.

Толстой, охваченный предчувствием грядущих катастроф – мировых войн и социальных революций, – пытается вернуть человечество к истокам его культурной жизни, к коллективному сознанию, к началу «роевому, стихийному». Личность должна перестать быть личностью и слиться с океаном мировой безличной жизни. От нее требуется бессознательность и смирение.

Диагноз Толстого правилен, но предлагаемое им лечение хуже самой болезни. Человечество не может зачеркнуть века своего духовного развития, не может вернуться в первобытное состояние, не может и не должно отречься от личности, свободы воли и творчества, чтоб превратиться в пассивно-бессмысленное стадо. Толстой не верил в человека, отвергал «несуществующую свободу» и свой чисто буддийский фатализм прикрывал туманным понятием Провидения. Самое поразительное – это его истолкование могучего религиозно-исторического порыва русского народа в 1812 году как торжества пассивности.

Толстой поставил проблему индивида и «целого», подчеркнул необходимость религиозного обоснования личности – и в этом его огромная заслуга. С него начинается «кризис гуманизма», который в наше время дошел до трагического обострения. Мыслители нашей эпохи, равно отвергая крайности индивидуализма

и коллективизма, прокладывают путь Церковной соборности.

Но там, где ошибается Толстой-философ, непогрешим Толстой-художник. Солдат Платон Каратаев, встреча с которым в занятой французами Москве произвела переворот в ищущем правды Пьере Безухове, задуман автором как параллель к «народному герою» Кутузову; он тоже человек без личности, пассивно отдающийся событиям. Таким видит его Пьер, т. е. сам автор, но читателю он представляется иным. Не безличность, а необыкновенное своеобразие его личности поражает нас. Его меткие словечки, прибаутки и поговорки, его постоянная деятельность, его светлое веселие духа и чувство красоты («благообразие»), его деятельная любовь к ближним, смирение, жизнерадостность и религиозность складываются в нашем представлении не в образ безличной «части целого», а в изумительное по цельности лицо народного праведника. Платон Каратаев – такой же «великий христианин», как и юродивый Гриша в «Детстве». Толстой интуитивно почувствовал его духовное своеобразие, но его рационалистическое объяснение скользнуло по поверхности этой мистической души.

* * *

В «Войне и мире» события семейной и личной жизни героев происходят на широком фоне исторических событий. Толстой изображает императора Александра I, Кутузова, Сперанского, Наполеона и его маршалов, описывает поход русских в Пруссию (всемирно известна батальная картина боя под Аустерлицем), вторжение французов в Россию, Бородинское сражение и взятие Москвы, вступление союзных войск в Париж; конец

романа отнесен к 1820 году. Автор перечитал множество исторических книг и мемуаров современников; он понимал, что задача художника не совпадает с задачей историка и, не стремясь к полнейшей точности, хотел создать дух эпохи, своеобразие ее жизни, живописность ее стиля.

Конечно, исторические лица Толстого несколько модернизированы: часто они говорят и думают, к современники автора. Но это подновление стало неизбежно при творческом восприятии исторического процесса как непрерывного, жизненного потока. В противном случае получается не художественное произведение, а мертвая археология. Автор ничего не придумывал – он только выбирал то, что ему казалось наиболее показательным. «Везде, – пишет Толстой, – где только в моем романе говорят и действуют исторические лица, я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека книг».

Для «семейных хроник», помещенных в исторические рамки наполеоновских войн, он пользовался фамильными воспоминаниями, письмами, дневниками, неопубликованными записками. Сложность и богатство «человеческого мира», изображенного в романе, можно сравнить только с галереей портретов много-томной «Человеческой комедии» Бальзака. Толстой дает более 70 подробных характеристик, намечает несколькими штрихами множество второстепенных лиц – и все они живут, не сливаются друг с другом, остаются в памяти. Одной остро схваченной деталью определяется фигура человека, его характер и поведение. В приемной умирающего графа Безухова один из наследников – князь Василий в растерянности ходит на цыпочках. «Он не умел ходить на цыпочках и неловко

подпрыгивал всем телом». И в этом подпрыгивании сказывается вся натура сановного и властного князя. Внешняя черта приобретает у Толстого глубокое психологическое и символическое звучание. У него Несравненная острота зрения, гениальная наблюдательность, почти ясновидение. По одному повороту головы или движению пальцев он угадывает человека. Каждое чувство, даже самое мимолетное, немедленно воплощается для него в телесном знаке; Движение, поза, жест, выражение глаз, линия плеч, дрожание губ читаются им как символ души. Отсюда то впечатление душевно-телесной цельности и пол ноты, которое производят его герои. В искусстве создания живых людей с плотью и кровью, дышащих, движущихся, отбрасывающих тень, Толстой не имеет себе равных.

В центре действия романа поставлены две дворянские семьи – Болконских и Ростовых.

Старший князь Болконский, генерал-аншеф екатеринских времен, вольтерьянец и умный барин, живет в имении Лысые Горы с дочерью Марьей, некрасивой и уже немолодой. Отец страстно ее любит, но воспитывает сурово и мучит уроками алгебры. Княжна Марья «с прекрасными лучистыми глазами», с застенчивой улыбкой – образ высокой духовной красоты. Она безропотно несет крест своей жизни, молится, принимает «Божьих людей» и мечтает сделаться странницей... «Все сложные законы человечества сосредоточивались для нее в одном простом и ясном законе любви и самоотвержения, преподанном ей Тем, Который с любовью страдал за человечество, когда Сам Он – Бог. Что ей было за дело до справедливости или несправедливости других людей? Ей надо было самой страдать и любить, и она это делала». И все же ее иногда волнует надежда

на личное счастье; ей хочется иметь семью, детей. Когда надежда эта осуществляется и она выходит замуж за Николая Ростова, душа ее продолжает стремиться к «бесконечному, вечному совершенному».

Брат княжны Марьи, князь Андрей не похож на сестру. Это – сильный, умный, гордый и разочарованный человек, чувствующий свое превосходство над окружающими, тяготящийся своей щебечущей, легкомысленной женой и ищущий практически полезной деятельности. Он сотрудничает со Сперанским в комиссии по составлению законов, но скоро устает от этой отвлеченной кабинетной работы. Его охватывает жажда славы, он отправляется в поход 1805 года и, как Наполеон, ожидает своего «Тулона» – возвышения, величия, «людской любви». Но вместо «Тулона» его ждет поле Аустерлица, на котором он лежит раненый и смотрит в бездонное небо. «Все пусто, – думает он, – все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме него. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения».

Вернувшись в Россию, он поселяется в своем имении и погружается в «тоску жизни». Смерть жены, измена Наташи Ростовой, которая казалась ему идеалом девичьей прелести и чистоты, повергают его в мрачное отчаянье. И только медленно умирая от раны, полученной в Бородинском бою, перед лицом смерти он находит ту «правду жизни», которую всегда так безуспешно искал: «Любовь есть жизнь, – думает он. – Все, все, что я понимаю, я понимаю только потому, что люблю. Любовь есть Бог, и умереть – значит мне, частице любви, вернуться к общему и вечному источнику».

Сложные отношения связывают семью Болконских с семейством Ростовых. Николай Ростов – Цельная,

непосредственная натура, вроде Ерошки в «Казаках» или брата Володи в «Детстве». Он живет без вопросов и сомнений, у него «здравый смысл посредственности». Прямой, благородный, храбрый, веселый, он удивительно привлекателен, несмотря на свою ограниченность. Конечно, ему не понять Мистической души своей жены Марьи, но он умеет создать счастливую семью, воспитать добрых и честных детей.

Его сестра Наташа Ростова – один из самых обаятельных женских образов Толстого. В жизнь каждого из нас она входит как любимый и близкий друг. От ее оживленного, радостного и одухотворенного лица исходит сияние, освещающее все вокруг нее. Когда она появляется, всем становится весело, все начинают улыбаться. Наташа полна таким избытком жизненной силы, таким «талантом жизни», что ее капризы, легкомысленные увлечения, эгоизм молодости и жажда «наслаждений жизни» – все кажется очаровательным. Она постоянно в движении, опьянена радостью, вдохновлена чувством; она не рассуждает, «не удостаивает себя быть умной», как говорит о ней Пьер, но ясновидение сердца замечает ей ум. Она сразу же «видит» человека и метко его определяет. Когда ее жених Андрей Болконский уезжает на войну, Наташа увлекается блестящим и пустым Анатолом Курагиным. Но разрыв с князем Андреем и затем смерть его переворачивают всю ее душу. Ее благородная и правдивая натура не может простить себе этой вины. Наташа впадает в безысходное отчаяние и хочет умереть. В это время приходит весть о гибели на войне ее младшего брата Пети. Наташа забывает о своей горе и самоотверженно ухаживает за матерью – и это спасает ее.

«Наташа думала, – пишет Толстой, – что жизнь ее кончена. Но вдруг любовь к матери показала ей, что

сущность ее жизни – любовь – еще жива в ней. Проснулась любовь и проснулась жизнь». Наконец она выходит замуж за Пьера Безухова и превращается в чадолубивую мать и преданную жену: отказывается от всех «наслаждений жизни», которые так страстно любила раньше, и всей душой отдается своим новым, сложным обязанностям. Для Толстого – Наташа есть сама жизнь, инстинктивная, таинственная и святая в своей природной мудрости.

Идеологическим и композиционным центром романа является граф Пьер Безухов. К нему стягиваются все сложные и многочисленные линии действия, идущие от двух «семейных хроник» – Болконских и Ростовых; он явно пользуется наибольшей симпатией автора и наиболее близок ему по душевному складу. Пьер принадлежит к людям «ищущим», напоминает Николеньку, Нехлюдова, Оленина, но более всего самого Толстого. Перед нами проходят не только внешние события жизни, но и последовательная история его духовного развития. Пьер воспитан в атмосфере идей Руссо, он живет чувством и склонен к «мечтательному философствованию». Он ищет «правду», но по слабоволюю продолжает вести пустую светскую жизнь, кутить, играет в карты, ездит на балы; нелепая женитьба на бездушной красавице Элен Курагиной, разрыв с ней и дуэль с бывшим приятелем Долоховым производят в нем глубокий переворот. Он увлекается масонством, думает найти в нем «внутреннее успокоение и согласие с самим собой». Но скоро наступает разочарование: филантропическая деятельность масонов кажется ему недостаточной, их пристрастие к мундирам и пышным церемониям возмущает его. На него находит нравственное оцепенение, панический страх жизни.

«Запутанный и страшный узел жизни» душит его. И вот на Бородинском поле он знакомится с русским народом – новый мир открывается ему. Духовный кризис подготовлен потрясающими впечатлениями, внезапно на него обрушившимися: он видит пожар Москвы, попадает в плен, проводит несколько дней в ожидании смертного приговора присутствует при казни. И тут он встречает «русского, доброго, круглого Каратаева». Радостный и светлый, он спасает Пьера от духовной смерти и приводит его к Богу. «Прежде он искал Бога в целях, которые он ставил себе, – пишет Толстой, и вдруг он узнал в своем плену не словами, не рассуждениями, но непосредственным чувством то, что ему давно уже говорила нянюшка; что Бог – вот Он, тут, везде. Он в плену узнал, что Бог в Каратаеве более велик, бесконечен и непостижим, чем в признаваемом масонами Архитектоне вселенной».

Религиозное вдохновение охватывает Пьера, все вопросы и сомнения исчезают, он не думает больше о «смысле жизни», ибо смысл уже найден: любовь к Богу и самоотверженное служение людям. Роман завершается картиной полного счастья Пьера, женившегося на Наташе Ростовской и ставшего преданным мужем и любящим отцом.

«Война и мир» кончается на грани двадцатых годов, эпохи возникновения тайных обществ и подготовки восстания декабристов.

Автор намечает завязку нового романа: Пьер и молодой Болконский, сын князя Андрея – будущие декабристы. Но этот замысел остался неосуществленным: Толстой начал писать историю трагической любви женщины из высшего петербургского общества. Анна Каренина, вышедшая без любви за важного

бюрократа-сановника, бессильна бороться со своей страстью к молодому гвардейскому офицеру Вронскому; она изменяет мужу, бросает сына и уезжает с Вронским за границу. Но ее благородно-честная и прямая натура не выносит ложного и постыдного положения; самодовольный и ограниченный Вронский не понимает ее нравственных страданий и начинает тяготиться ее мучительной любовью. Страшный узел своей загубленной жизни Анна рассекает самоубийством.

Действие романа происходит в современную автору эпоху; блестящие картины аристократического петербургского общества сменяются несравненными по жизненности описаниями высшего московского света и поэтическими сценами деревенского быта. Параллельно и контрастно к несчастному роману Карениной и Вронского развивается счастливая любовь Китти и Левина. Толстой с трудом дописал «Анну Каренину»: в нем уже назревал тот духовный перелом, который расколол его жизнь на две половины.

Между 1873 и 1875 годом умирают трое из его детей, его вторая мать Татьяна Александровна Ергольская и тетка Пелагея Юшкова. Софья Андреевна заболевает с горя, кашляет кровью, думает о смерти. Толстой чувствует, что все рухнет вокруг него: перед лицом смерти все кажется бессмысленным. Любовь, красота, искусство не могут спасти от отчаянья. В «Исповеди» писатель с потрясающей силой изображает страшную муку, через которую прошла его душа. Не размышления о конце, а реальный опыт смерти привел его к новой вере. Жизнь, которой он жил до сих пор, представилась ему нелепым, трагическим фарсом, и он хотел убить себя. Ему пришлось прятать веревку, не ходить одному на охоту – так непреодолимо было искушение самоубийства.

И тут встреча с простым крестьянином решила его судьбу. Он понял, что немудрым и неученым людям открыта тайна, недоступная ему, писателю и аристократу; что бессмысленна не жизнь вообще а его личная жизнь – безбожная, праздная и богатая. У него появилась страстная жажда приобщиться к народной вере; он принялся ревностно соблюдать все обряды православной церкви, ходить к обедне, поститься, но этот церковный период продлился недолго; в 1879 году он причастился в последний раз. Обманывать самого себя долее он был не в силах: принимая всей душой христианскую мораль, он не мог разделить христианскую веру народа. Таинства, чудеса, догматы были ему непонятны и чужды. Он не мог себе реально представить воскресения Христа, а поэтому не мог в него и поверить. После мучительной внутренней борьбы он должен был признать, что христианская религия – не его вера. Отвергая церковь, божественность Иисуса Христа и всю мистическую основу христианства, Толстой сохраняет только моральное учение Спасителя. Главное положение его религиозно-нравственной проповеди взято из Евангелия: «Вы слышали, что было сказано древним: „око за око и зуб за зуб“. А я говорю вам: не противьтесь злу».

В книге «В чем моя вера?» Толстой призывает людей к исполнению Божьего закона: он заключается в труде, терпении, отречении от мирских благ и любви к ближнему. Мир лежит во зле, культура построена на несправедливости и неравенстве. Потому, не противясь злу, нужно уходить от него.

Учение Толстого – отрицательно: по духу оно родственно буддизму; отвергается церковь, государство, суд, военная служба, вся светская цивилизация, наука

и искусство; проповедуется опрощение, физический труд, трезвость и вегетарианство.

Яснополянский учитель – моралист и рационалист: он убежден, что люди несчастны, потому что заблуждаются, что надо им растолковать их ошибки, и тогда они поймут и станут добродетельными. По его мнению, «Христос учил нас не делать глупостей».

Тридцать лет неустанно, словом и делом, проповедовал он свое учение: оно распространилось не только по всей России, но и по всему миру. Ясная Поляна стала духовным центром, куда съезжались «толстовцы» со всех концов света. Авторитет писателя был так велик, что правительство, несмотря на все свое несочувствие к его деятельности, не решалось стеснить свободу его проповеди: оно ограничивалось только преследованием наиболее рьяных его последователей.

Самое замечательное в дидактических писаниях Толстого после 1880 года – это ясный, точный и простой язык. Освобожденный от всякой книжности и «литературности», он во всей своей могучей логике и сдержанном пафосе поднимается на высоту философского рассуждения и иронического обличения. Длинные и сложные фразы построены с математической точностью. Толстой создал язык для отвлеченной мысли. Но мысль его всегда возвращается к конкретному факту, к показательному частному случаю, к рассказу, иносказанию и притче. Нет в мировой литературе более парадоксального сочинения, чем его статья «Что такое искусство?». А между тем, несмотря на ложность основной идеи, этот дышащий ненавистью памфлет заключает в себе множество глубочайших и остроумнейших наблюдений и оценок. Разрушая искусство, великий художник создает новое произведение искусства.

Впрочем, осудив все свои прежние писания как безнравственные и развращенные, Толстой все же не мог окончательно отречься от художественного творчества: он пишет большой роман «Воскресение» – трагическую историю Катюши Масловой, соблазненной и брошенной молодым помещиком Нехлюдовым. Моральная тенденция нарушает эстетическое единство этого произведения: повсюду видна рука автора, упорно ведущая действующих лиц по путям, заранее для них приготовленным. Нет непосредственности в повествовании, насыщенном поучениями. Роман «Воскресение», задуманный как синтез «толстовства», как полное раскрытие ученья в жизни, обнаружил всю сухую и безжизненную отвлеченность толстовской веры. И все же в этом неудачном произведении встречаются страницы поистине гениальные.

Из повестей последнего периода «Смерть Ивана Ильича» и «Хаджи-Мурат» принадлежат к совершеннейшим созданиям Толстого. Сила психологического анализа и искусство воссоздания полноты жизни описанием «выразительных» деталей сосредоточены здесь в немногих страницах, доведенных до высокой напряженности при крайней экономии средств. Рассказы, написанные для народа, очищены от всех «литературных соблазнов». Они крепки, аскетически просты и библейски величественны. Толстой считал, что история Иосифа, проданного братьями в Египет, – лучшее художественное произведение мировой литературы, и старался подражать повествовательному стилю Библии. Рассказы его полны силы, драматизма и философской значительности. Толстой последнего периода приближается к классической ясности, самоограничению, мудрой простоте.

Самые известные из пьес Толстого – «Власть тьмы» и «Плоды просвещения». Первая – мрачная трагедия из крестьянской жизни, перегруженная излишними подробностями «быта»; вторая – веселая комедия, высмеивающая светское общество, праздное, легкомысленное и суеверное. У Толстого не было ни любви к театру, ни особого драматического дарования. Его пьесы – скорее драматизированные повести.

В 1882 году Толстой принял участие в переписи населения в Москве; посещал трущобы, ночлежные дома, приюты нищеты. В книге «Так что же нам делать?» он доказывает бессмысленность «благотворительности». Богатые только тогда могут помочь бедным, когда они перестанут быть богатыми. Они виноваты в том, что их братья гибнут в нищете и разврате; богатство, имущество, деньги – величайшее зло и проклятие. А между тем Толстой жил в роскоши, был богатым помещиком и получал громадные гонорары за свои сочинения.

Разлад между убеждениями и жизнью с каждым годом переживался им все мучительнее; он отдал имение семье, отказался от авторских прав, носил простое крестьянское платье, сам шил себе сапоги и все же чувствовал, что это «опрощение» могло казаться простой причудой пресыщенного барина и что вокруг него, в семье, продолжалась та же богатая «грешная» жизнь. После бесчисленных драматических столкновений с женой и детьми, после объяснений, разрывов, слез, попыток к самоубийству и ужасных душевных терзаний он решился наконец покончить с «неправдой» своей жизни и 28 октября 1910 года бежал из Ясной Поляны. Внезапная болезнь принудила его остановиться на станции Астапово, недалеко от монастыря Оптиная Пустынь. Здесь 7 ноября 1910 года он скончался.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	11
ПУШКИН (1799–1837)	18
ЛЕРМОНТОВ (1814–1841)	57
ГОГОЛЬ (1809–1852)	76
ДОСТОЕВСКИЙ (1821–1881)	99
ТОЛСТОЙ (1828–1910)	125

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ

в Санкт-Петербурге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»
Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 273 50 53 www.podpisnie.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ВСЕ СВОБОДНЫ»
Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 (с 12:00 до 22:00)
8 (911) 977 40 47 www.vse-svobodny.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»
Санкт-Петербург, Невский пр., 66 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 640 44 06 www.lavkapisateley.spb.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СЛОВО»
Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 (с 11:00 до 20:00)
8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00 www.slovo.net.ru

**ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ «НЕВСКИЙ, 177»**
Санкт-Петербург, Невский пр., 177 (с 10:00 до 20:00)
8 (812) 643 77 43 www.vk.com/dpcspb

в Москве:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»
Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 (с 09:00 до 24:00)
8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17 www.moscowbooks.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»
Москва, Малый Гнездниковский пер., 12/27 (с 11:00 до 20:00)
8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21 www.falanster.su

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЦИОЛКОВСКИЙ»
Москва, Пятницкий пер., 8 (с 11:00 до 22:00)
8 (495) 951 19 02 www.primuzee.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БУКВЫШКА»
Москва, ул. Мясницкая, 20 (пн.–пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00)
8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60 www.bookshop.hse.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БИБЛИО-ГЛОБУС»
Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1 (пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00)
www.biblio-globus.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «У КЕНТАВРА»
Москва, ул. Чайнова, 15 (пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00)
8 (495) 250-65-46 www.rsuh.ru/kentavr

в Минске, Киеве, Варшаве, Риге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЭПОСЕРВИС»
Минск, ул. Казинца, 123, оф. 4
+375 17 338 95 23 www.tregross.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНЫЙ БУМ»
Киев, Вербовая ул., 8 (вт.–вс. с 11:00 до 17:30)
+38 067 273-50-10 www.academbook.com.ua

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН при «Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego w Warszawie»
Ptasia 4, 00-138 Warszawa
+48 22 826 17 36 www.jezykrosyjski.com.pl

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «Intelektuāla grāmata»
Кг. Varona iela 45/47, Rīga (пн.–пт. с 10:30 до 19:00, сб. с 11:00 до 18:00)
+371 67315727 www.merion.lv

Электронные книги:

ДИРЕКТ-МЕДИА www.directmedia.ru
ЛИТРЕС www.litres.ru

Интернет-магазины:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА» www.moscowbooks.ru
OZON www.ozon.ru
NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS www.nkbooksellers.com
ESTERUM www.esterum.com
БУКВОЕД www.bookvoed.ru
ЧИТАЙ ГОРОД www.chitai-gorod.ru
MY-SHOP.RU www.my-shop.ru
КНИЖНЫЙ БУМ www.academbook.com.ua

Мочульский Константин Васильевич
Великие русские писатели XIX века

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Ю. А. Корневская*
Корректор *Д. Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@uandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532
Редакция: тел. (812) 577-48-72, e-mail: aletheia92@mail.ru,
191015, г. Санкт-Петербург, ул. 9-ая Советская, д. 4, офис 304
www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
«Фаланстер», М. Гнездииковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru
в Минске:

«Трэгросс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.
Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl
в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kr. Varona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 84x108¹/₃₂. Усл. печ. л. 7,98. Печать офсетная.

Заказ №